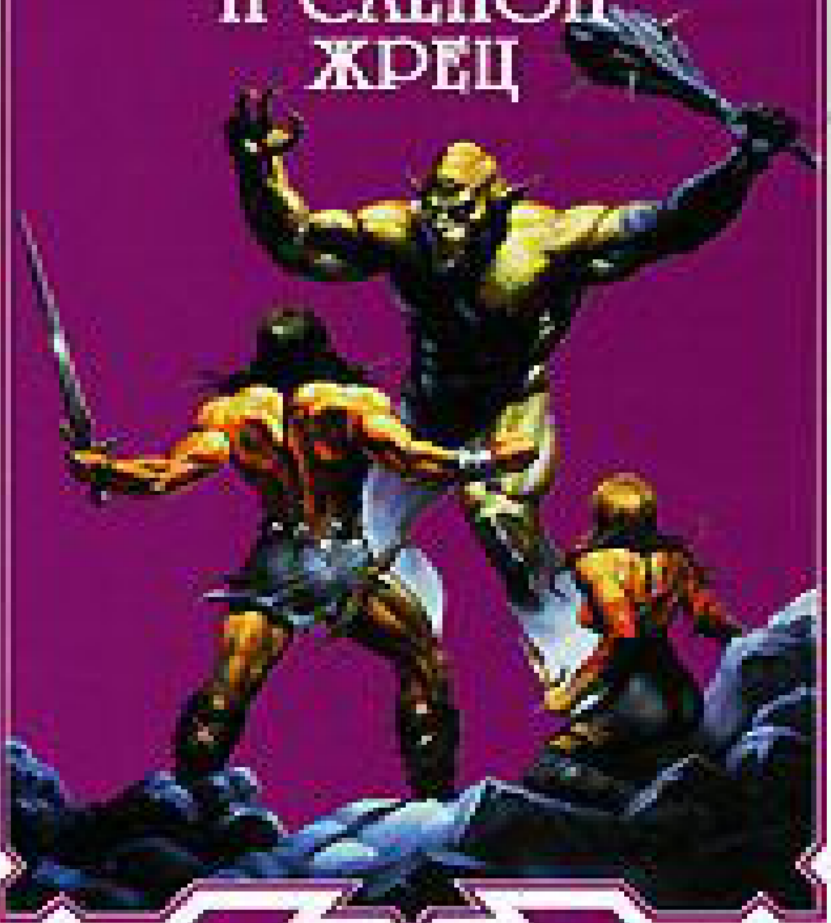
КОНАН
И СЛЕПОЙ ЖРЕЦ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Конан нанимается телохранителем к странствующему сказителю Гэланту Страннику. В компании этого удивительного человека скучать варвару не придется…

- Дуглас Брайан
  -
  - WWW.CIMMERIA.RU

Дуглас Брайан

Аквилонский странник

(Конан)

(«Северо-Запад Пресс», «АСТ», 2006, том 123 «Конан и слепой жрец»)

В замке графа Мак-Грогана гостил давний друг. Его звали Гэлант Странник – сказитель, собиратель историй, а кроме того – богатый и знатный человек, потомок одного из самых древних аквилонских родов. Гэлант уверял, что в его жилах течет капля пиктской крови, и в это легко можно было поверить, глядя на его темную, сероватого оттенка кожу, кустистые брови и низкий лоб.

Но внешность Гэланта никого не обманывала. Манеры, осанка, речь – все выдавало в нем человека образованного, получившего очень хорошее воспитание.

Обычно Гэлант путешествовал с небольшой свитой: несколько человек ухаживали за его лошадьми, специальный слуга был приставлен к лютне, особый писец возил письменные

принадлежности и отвечал за то, чтобы они всегда были готовы «к бою»: он растирал чернильные камушки, очищал ножичком пергаменты от лишних наслоений. Если путь лежал по местам, пользующимся дурной славой, Гэлант не пренебрегал и охраной. Сейчас при нем находился один-единственный телохранитель, который, по уверениям Гэланта, стоил целого отряда.

* * *

С этим самым телохранителем Гэлант встретился в маленьком городке на аквилонской границе. Время было глухое, начало весны, торговля еще не оживала в этих краях, и даже грабители, казалось, не вполне очнулись после зимней спячки.

Гэлант возвращался домой, в Аквилонию, из дальней поездки в Хоршемиш, где у него водились приятели и где он время от времени записывал новые песни.

Сказитель предвкушал чудесные дни, которые его ожидали после того, как он устроится в замке своего давнего поклонника и друга, графа Мак-Грогана. Тот гордился приятельскими отношениями со знаменитым сказителем и даже устроил в своих владениях специальные комнаты для Гэланта, где имелись широкие столы для свитков и книг, жаркие камины и удобная кровать для отдыха.

У Гэланта существовали собственные хитрости, с помощью которых он прослыл столь искусным сочинителем песен. Записав очередную историю в Хоршемише или Кофе, он затем переписывал ее на аквилонский лад: вместо кофитянских имен вставлял аквилонские и британские, восхваляя красавицу, говорил не о коже цвета эбенового дерева и не о сверкающих, как антрациты, черных глазах, но о коже белоснежной и очах бледно-голубых, туманных, точно рассвет над Аквилонией.

Что касается событий, описываемых в этих песнях, то они всегда оставались неизменными. Путешествуя по свету, Гэлант убедился в одном: повсюду люди одинаковы. Они одинаково любят, одинаково страдают, одинаково умирают. Герой, который выходит один на один с чудовищем, чтобы сразиться и спасти свой народ, всегда испытывает одни и те же чувства. И неважно, как он одет: в сверкающий доспех из медных пластин или в шкуру леопарда.

Женщина, сохраняющая верность мужу любой ценой, даже ценой собственной жизни, неизменно прекрасна: будь она черна,

как ночь, или бела, как день; носи она выструганную палочку в носу или золотое ожерелье на шее. И неважно, каких богов призывает она себе в помощь.

Гэлант ценил изысканность сравнений и образов, которыми обогащал свои познания в песенном искусстве во время путешествий. Он всегда вел подробные записи и рассчитывал со временем оставить потомству бесценную книгу о поэзии.

Разумеется, он не слишком опасался грабителей, поскольку исписанные вдоль и поперек, многократно выскобленные и в десятый раз исчерканные пометками старые пергаменты – не слишком драгоценная добыча для любителей легкой наживы. Но поди объясни им, что знатный, богато одетый человек, путешествующий со слугами, не везет с собой ничего ценного! Пока будешь разговаривать с головорезами, успеешь пасть под ударами их ножей. И если даже не умрешь сразу – будешь добит после того, как их разочарование сделается убийственно жгучим.

Нет уж. Гэлант всегда заботился о своей безопасности.

Но в том аквилонском городке он остался без охраны – так уж вышло. И потому задержался на какое-то время в поисках наемника достаточно честного, чтобы согласиться за умеренную плату охранять ученого чудака от возможных бед.

Таковые наемники, как ни странно, в мире водились. И некоторые из них даже искренне привязывались к Гэланту… до тех пор, пока им не подворачивался куда более выгодный контракт. Тогда они неизменно уходили в поисках хорошего заработка и увлекательных приключений.

Рослый здоровяк привлек внимание Гэланта уже на второй день. Судя по внешности, молодой человек был родом из далеких северных стран – может быть даже из Киммерии. В таверне он сидел с таким видом, словно это заведение было куплено им по случаю – и оказалось, вот незадача, тесным в плечах, да и по росту маловато.

Киммериец пил много и явно в долг. Хозяин не решался отказать ему в кредите, больно уж мрачным огнем сверкали синие глаза из-под спутанной гривы черных волос. Кроме того, у киммерийца имелся странный спутник – ростом с ребенка, вечно закутанный в плащ до самых глаз, с хриплым голоском. Этот тоже пил, а напившись принимался зловеще хихикать.

Гэлант не мог не заинтересоваться столь диковинной парочкой. Спросив разрешения, он подсел к северянину и щелчком пальцев подозвал хозяина.

– Лучшего мяса, два кувшина вина и…

– Мне осьминогов, – подал голос малютка, которого едва можно было увидеть из-за стола.

– Осьминогов не держим, – отозвался хозяин. К северянину и его кошмарному приятелю он относился, естественно, с опаской и некоторой брезгливостью, но господин Гэлант – другое дело. Здесь требовалось сохранять подчеркнуто нейтральный тон. – Могу предложить битую птицу. Перепелка?

– Лучше лягушек, – просипел маленький человечек.

– Лягушек не держим.

– Ну так отправьте кого-нибудь наловить их! – велел Гэлант. Он говорил с такой уверенностью, словно каждый день заказывал жареных лягушек для каких-то волосатых осипших карликов.

Хозяин поклонился и, не прибавив более ни слова, отправился выполнять приказание. Действительно вскоре все трое услышали, как хозяин распоряжается: «Симми, налови лягушек, да пожирнее – господа хотели» – и виноватый голос

Симми, прислуживающего мальчика с кухни: «Да где я их в этакое время года сыщу, хозяин?» – а после звук затрещины.

Из-под стола донесся каркающий хохот.

– Так ему и надо, – просипел карлик. – Не будет издеваться над кое-кем.

Гэлант преспокойно налил себе остатки скверного пойла, которым угощался северянин. Попробовал и даже не сморщился.

– Могу я спросить о твоем имени? – осведомился Гэлант;

– Конан из Киммерии, – буркнул молодой человек. Ему не понравилось, что чужак допивает его вино.

– Меня зовут Гэлант Странник, – представился сказитель. – Я направляюсь сейчас к графу Мак-Грогану. Я не обольщаюсь: хоть Аквилония и моя родина, но разбойников и всякого скверного люда на ее дорогах предостаточно. Мне нужен человек внушительной наружности и достаточно умелый в обращении с оружием, чтобы без хлопот добраться до цели.

– Ты уверен, Гэлант Странник, что означенный человек не вознамерится по пути наложить руки на твои богатства? – усмехнулся варвар. У него было скверное настроение.

– Уверен, потому что означенный человек скоро узнает о моих богатствах все… – Гэлант обернулся: расторопная служанка уже принесла блюда с мясом, а на подносе у нее красовались кувшины, содержащие куда более приятное вино, нежели то, которым потчевали варвара. -

Мои богатства, – продолжал Гэлант, вынужденный повысить голос, ибо варвар тотчас принялся с оглушительным треском разгрызать кости, – заключаются в песнях и сказаниях. И этой роскошью я охотно делюсь с людьми сам. В моих переметных сумах – сухие чернила, старые пергаменты да лютня, вот и все. Но люди смотрят не на лицо встречного человека, а на его одежду.

– Одежда хорошая, – с набитым ртом заметил киммериец.

– Одежда и должна быть хорошей, – возразил Гэлант. – Не вижу смысла облачаться в лохмотья, если существует возможность закутаться в теплый плащ, подбитый мехом…

Ты прав, – охотно согласился Конан. – Пожалуй, я разделяю твою точку зрения… когда у меня водятся денежки, я тоже одеваюсь хоть куда. – Ты согласен сопровождать меня? Я оплачу здесь все твои долги, – сказал Гэлант.

Конан кивнул.

– Ты великодушен, а это говорит о хорошем происхождении… Будь ты справедлив, ты не заплатил бы здешнему кровопийце ни единого медяка – у тебя была возможность оцепить глубину его скаредности. Ты ведь хлебал это пойло, которое он именует вином?

Гэлант улыбнулся.

– Там, куда мы отправимся, вино всегда превосходно.

– Вот еще один повод принять твое предложение, – сказал Конан. – Разумеется, мой спутник поедет с нами.

– Познакомь нас, – попросил Гэлант. – Сдается мне, я услышу интересную историю.

– Ничего интересного, – пробасил из-под стола коротышка. – Я гном…

Он забрался на скамью с ногами и откинул капюшон. Гэланту явилась лохматая физиономия с большими коричневыми глазами. Шерсть росла на ней повсюду, не исключая лба и щек. Глаза косили и в уголках их скапливался гной: существо явно было нездорово.

– Я пустынный гном, – пояснило существо. – Здесь я хвораю. А у Конана вечно какие-то дела там, где сыро и грязно.

– Скоро я отправлю тебя назад, – обещал Конан.

– Ты говоришь об этом уже почти год! – взорвался гном. – Я только жду и жду… – Он оглушительно чихнул. – Я умру здесь. Это очевидно. У него и в мыслях нет возвращаться в пустыни.

– Откуда ты знаешь? – живо спросил Конан.

– Оттуда… – Гном повернулся в сторону Гэланта. – Я читаю мысли людей. Иногда. Если мне этого захочется. Потому что чаще всего мне не хочется. Они думают о разной ерунде. Их мысли путаны и нечисты. Тьфу, тьфу, тьфу! Даже представить себе противно. Но мысли Конана нужны. Я должен знать, что делается под этим безволосым лбом. Иначе могут возникнуть неожиданности. Ненавижу неожиданности. Люди ужасны. Ужасны. Ужас… – Он не договорил и закашлялся.

Гэлант покачал головой.

– Сдается мне, он прав – здешний климат не для него. Отчего

ты не вернешь его туда, где ему будет лучше, Конан?

Киммериец ехидно прищурился.

– Полагаю, сейчас ты ожидаешь услышать от меня длинную историю, из которой впоследствии сделаешь песню.

– Не исключено, – Гэлант не стал отпираться.

– Ладно, скажу в двух словах. Он – пустынный гном. Их народ почти полностью истреблен кочевниками. Для него вернуться в пустыню – значит, подвергнуть себя смертельной опасности.

– Лучше опасность в родных стенах, чем безопасность на чужбине, – пробурчал гном, шмыгая носом.

– Особенно мне нравится замечание касательно «стен», – ухмыльнулся Конан. – Какие-либо стены появились в жизни моего друга совсем недавно. Прежде он превосходно обходился песками и солнцем.

– Да, и они снятся мне безотрадными ночами! – зарыдал гном, давясь кашлем.

– Не преувеличивай. – Конан обернулся к Гэланту и увидел на лице сказителя выражение живейшего любопытства. – Это вовсе не то, что ты мог бы подумать, почтенный Гэлант.

– Вообще-то обращение «почтенный» лучше подходит к какому-нибудь купцу, – сказал Гэлант. – Меня называй просто по имени, хорошо?

– Намерен обучать меня этикету? – Конан оскалил очень белые и очень крепкие зубы.

– Почему бы и нет? – Гэлант пожал плечами. – Насколько я понял, ты высоко метишь – в твои намерения входит рано или поздно захватить какую-нибудь землю и сделаться там правителем…

Конан слегка побледнел. Время от времени он высказывал хвастливое обещание сделаться королем в одной из закатных стран, но до поры никто всерьез эти замечания не принимал. И уж конечно не встречались ему прежде люди, которые сами говорили бы с ним о подобном будущем. Ну, разве что прорицатели… Однако Гэлант прорицателем не был. Обычный человек. Разве что более наблюдательный, чем иные.

– Я не исключаю такой вероятности, – сказал наконец Конан.

– В таком случае, тебе лучше знать некоторые тонкости заранее, – просто сказал Гэлант. И улыбнулся так дружески, что сердце варвара немного оттаяло. – Итак, поведай мне вкратце – как вышло, что ты путешествуешь по Аквилонии в компании с пустынным гномом.

– Я гоняюсь за удачей, которая ускользает от меня день за днем, – проворчал Конан. – В этом ты не найдешь ничего выдающегося. Пустынный гном повстречался мне на пути более

года назад – и с тех пор я не знаю, как от него избавиться.

– Утопил бы меня, когда подвернулся случай, – хныкнул гном.

– Я бы и сделал это, – живо повернулся к нему Конан, – если бы твердо был убежден в том, что у гномов смерть наступает точно так же, как у обычных людей. Видишь ли, – он снова перевел взгляд на Гэланта, – я не настолько глуп, чтобы разводить вокруг себя гневных призраков. Мне доводилось иметь с ними дело. Призрак человека – еще куда ни шло. А призрак пустынного гнома? Увольте. Я подожду, пока он сам найдет способ от меня уйти.

– Я уже обещал тебе, что не стану призраком, тем более гневным, – сказал гном.

В этот момент мальчик Симми принес жареную лягушку. Это была очень худая и как бы удивленная лягушка – одним богам ведомо, где предприимчивый Симми ее выкопал. Гном схватил ее обеими лапками и сунул в рот. Глаза существа затуманились от удовольствия. Гэлант вручил Симми серебряную монетку и шепнул, чтобы мальчик не показывал ее хозяину: «Это лично тебе – за ловкость».

– Я направляюсь в Аквилонию, – заметил Гэлант как бы между прочим.

Варвар фыркнул.

– Представь себе, я догадался.

– По слухам, дороги бывают небезопасны…

– Если ты намерен нанять меня, то учти: мои услуги стоят дорого. Как ты уже успел заметить, даже могущественная нелюдь мне подчиняется, – с самым невозмутимым видом сообщил Конан.

Пустынный гном, как раз закончивший расправляться с лягушкой, приосанился и выпучил глаза, полагая, что это придает ему грозный вид.

Гэлант улыбнулся.

– Мой друг, граф Мак-Гроган, охотно заплатит тебе вдвое и втрое, если ты доставишь меня к нему в целости.

– Я бы предпочел часть платы получить сейчас, – сказал варвар.

На столе появился небольшой мешочек с монетами.

– Мы договорились? Конан молча кивнул.

* * *

В Аквилонии стояла странная погода: непрерывно шел дождь, а временами поднимался такой сильный ветер, что крыши срывало с домов и валило деревья.

Конан хмурился. Ему не нравилось происходящее – но не потому, что причиняло неудобства: киммериец чувствовал, что все эти природные явления имеют на самом деле неестественное происхождение.

Гэлант продвигался по стране медленно: он старался не оставаться без крыши над головой дольше, чем на несколько светлых дневных часов; едва лишь появлялся намек на сумерки, как сказитель принимался искать ночлег.

Пустынный гном во всем разделял вкусы нового хозяина. Впрочем, Конан ничуть не удивлялся этому обстоятельству: Кода ненавидел сырость больше, чем какое-либо живое существо из известных киммерийцу.

Свита Гэланта Странника была теперь ничтожно мала. Конюха он лишился чуть меньше месяца назад, поскольку тот еще в Хоршемише влюбился и остался в доме огненноглазой красавицы. Гэлант никогда не препятствовал слугам и даже соглашался отпускать рабов, если тем доводилось встретить подходящую женщину. Вообще сказитель, как и положено служителю поэзии, легко расставался и с людьми, и с деньгами и никогда не гонялся за выгодой.

Теперь с Гэлантом, помимо Конана и гнома, путешествовали только хранитель лютни, хмурый тощий человек по имени Вендо, и Меркон, писец и личный слуга – пожилой, невозмутимый толстяк.

Меркон представлял для Конана сплошную загадку. Если судить по внешности, то писец должен был быть ворчливым, всеми недовольным педантом, менее всего приспособленным для путешествий под проливным дождем и пронзительным ветром.

Однако за все время пути от Меркона не донеслось ни единой жалобы. Выражение его лица оставалось неизменным: он как будто величаво грезил о чем-то отдаленном, не имеющим никакого отношения к раскисшей дороге или ледяным порывам бури.

Гэлант ехал впереди, закутанный в плащ. Конан держался рядом с хозяином и внимательно осматривался по сторонам. Пустынный Кода прятался у Конана под плащом. Гном сидел очень тихо и старался лишний раз не обратить на себя внимания. Он ужасно боялся, что Конан выставит его из-под теплого, непромокаемого плаща, пропитанного бараньим жиром. Или, того хуже, заставит идти пешком. Кода испытывал такой ужас перед

погодой, что даже не решался забраться в мысли своего спутника. А вдруг там уже созрел злодейский замысел касательно бедного, несчастного пустынного гнома? Нет уж. Лучше пребывать в неведении.

Между тем Конан размышлял совершенно о других вещах, а о своем маленьком спутнике и думать забыл. Конану постоянно казалось, что за ним кто-то следит. Разумеется, он не стал до поры делиться своими подозрениями с Гэлантом: незачем беспокоить сказителя раньше времени. Да и неизвестно еще, как тот отнесется к подобному высказыванию телохранителя. Может ведь и высмеять. А иногда – с таким Конан тоже сталкивался – начнет нарочно дразнить судьбу. Нет уж. Сперва следует убедиться хорошенько, что невидимый соглядатай Конану не почудился.

Этот дождь не нравился киммерийцу – но не потому, что мог испортить лютню или нанести непоправимый ущерб записям Гэланта; Конану мнилось, что непогода вызвана чьими-то злыми чарами. Аквилония, по мнению Конана, кишела колдунами точно так же, как и любая другая страна. Может быть, даже в большей степени.

В тот день смеркаться начало едва ли не сразу после того, как солнце миновало зенит. Гэлант принялся беспокойно озираться по сторонам, высматривая подходящее место для ночлега. Когда спустя пару миль перед путниками появилась таверна, лицо Гэланта просияло, но Конан помрачнел так, что даже невозмутимый Меркон слегка шевельнул бровью – наиболее выразительная гримаса из всех, что мог позволить себе личный слуга сказителя.

– Тебе что-то не нравится, киммериец? – осведомился Гэлант.

Конан молча кивнул.

– В таком случае, давайте остановимся и выслушаем соображения моего телохранителя, – приказал Гэлант своим спутникам.

Конан сказал:

– Я не могу этого объяснить. Мне просто здесь не нравится.

– Предпочитаешь заснуть под деревьями? – уточнил Гэлант.

– Ты обещал, что твой друг граф Мак-Гроган заплатит мне хорошие деньги, если я доставлю тебя к нему в замок целым и невредимым, – заявил Конан. – И я намерен получить мою плату. Если тебя интересует мое мнение, то вот оно: эта таверна стоит здесь на отшибе, до ближайшего города не менее двух, а то и трех дней пути… Да и с чего ты взял, что это таверна?

– А что это, по-твоему?

Конан пожал плечами. Гэлант дружески кивнул ему.

– Поступим так. Расположимся здесь на отдых, но киммериец пусть будет начеку: если его подозрения подтвердятся, будем выбираться. Я обещаю тебе, Конан, отдельную плату за благополучный исход этого дела.

– Лучше бы мы заночевали в лесу, тогда благополучный исход обошелся бы тебе бесплатно, – сказал киммериец.

– Я предлагаю пари, – пояснил Гэлант.

– Я выиграю, – ответил Конан. – С моей стороны было бы нечестным соглашаться на пари с человеком, который ровным счетом ничего не понимает.

– Смею тебе напомнить, Конан, что я проехал сотни и тысячи миль по всем странам Хайбории, я побывал даже в Стигии – и отовсюду выбрался живой, – сказал Гэлант. – Вряд ли твой опыт больше моего.

Конан не снизошел до ответа.

– Стало быть, договорились! – воскликнул Гэлант.

– Погоди, – остановил его Конан. – А какова будет моя плата, если я проиграю?

– Недельное жалованье и три истории из твоей жизни, из которых я мог бы сделать песни, – предложил Гэлант.

– Небольшая плата, – заметил Конан. – Особенно если учесть, что мне не придется ее отдавать.

* * *

Конан вошел в таверну первым. Могучим пинком ноги он распахнул дверь и уставился в темное помещение. Это, несомненно, была таверна. Прилавок, большой котел, заметный в широком квадратном окне позади прилавка, длинный стол и две вытертые лавки. На потолке – закопченное колесо, с которого свисало несколько десятков глиняных масляных ламп.

Однако масло в лампах давно прогоркло, фитили покрылись пылью, копоть и сажа заросли паутиной. На полу лежал толстый слой пыли.

– Здесь давно никого не было! – громко объявил Конан. – Попробуем переночевать, но в том, что касается еды и выпивки, нас ждет полное разочарование.

И тут в темном углу комнаты кто-то пошевелился. Конан насторожился: он мог бы поклясться, что мгновение назад там никого не было. Киммериец обнажил меч, готовясь встретить любую неожиданность. Его спутники уже входили. Конан поднял

левую руку в предупреждающем жесте.

– Выходи на свет! – крикнул киммериец, обращаясь к невидимке, что таился в полумраке.

Послышались легкие шаги, и перед Конаном появилась маленькая фигурка, несомненно, женская: это была девушка лет шестнадцати, с очень белым лицом и длинными черными волосами. Она была облачена в лохмотья, но смотрела прямо и гордо. Ее босые ноги посинели от холода, однако это обстоятельство ничуть ее, казалось, не смущало.

Конан опустил меч.

– Кто ты? – спросил он.

– Гаусина.

Голос прозвучал чуть хрипло и все же он был приятным, грудным и низким.

– Гаусина – это всего лишь имя, – заметил Конан. – А я спросил о том, кто ты такая.

– Я не больше моего имени, – ответила девушка.

Гэлант отстранил своего телохранителя.

– Довольно тебе допрашивать бедное дитя! – сказал сказитель. – Разве ты не видишь, что она замерзла и наверняка проголодалась?

– Нет, – буркнул Конан, – этого я как раз и не вижу.

– Потому что ты бессердечный, – упрекнул его Гэлант. – Ты смотришь на людей холодными глазами.

– Благодаря чему до сих пор жив.

– Если видеть жизнь глазами любви и сострадания, то… – начало было Гэлант, но Конан перебил его:

– Наша судьба неведома нам, но искушать лишний раз богов не следует. Что ты знаешь об этой девушке?

– Только то, что она одинока, что она страдает…

Конан безнадежно махнул рукой и прекратил всякие возражения, но передвинул ножны так, чтобы можно было в любой момент выхватить меч или кинжал.

Пустынный Кода, как выяснилось чуть позже, вполне разделял опасения своего друга.

– Мне она не нравится, – шептал гном. – Она странная.

– Мы все здесь странные, – проворчал Конан.

– Но она – в особенности. Почему она бродит в одиночку по дорогам Аквилонии?

– Вероятно, нищенка.

По приказанию Гэланта, Меркон зажег в заброшенной таверне лампы и разложил на столе припасы путешественников. В очаге тщетно пытался раздуть огонь Вендо. Дрова отсырели и не хотели заниматься. Помещение наполнилось дымом, тощий

Вендо душераздирающе кашлял, стоя на коленях возле очага, так что в конце концов Гэлант велел ему прекратить бесполезное занятие и садиться к столу.

– Будем согреваться дружеской беседой, – объявил сказитель.

Беседа, впрочем, в подобных условиях не клеилась. К ночи дождь усилился, крупные капли вовсю лупили по крыше, как будто намереваясь проломить ее. Девушка Гаусина сидела на краю стола очень тихая и помалкивала, рассматривая своих новых знакомцев широко раскрытыми блестящими глазами. Конану казалось, что в полумраке они странно светятся.

Гэлант попробовал было завести песню, но в этой таверне голос звучал на удивление плохо. Воздух как будто поглощал любые звуки.

Наконец путники стали устраиваться на ночлег: они расстелили плащи на полу, улеглись, прижавшись друг к другу, и вскоре Гэлант, а вслед за ним и Вендо захрапели. Меркон спал тихо, беззвучно.

Конан остался бодрствовать. Гаусина подсела к нему. Она приблизилась так бесшумно, что киммериец не столько услышал ее, сколько почувствовал близость второго человеческого существа. Кода, прятавшийся у Конана под плащом, тихонько зашипел.

– Ты мне не доверяешь, – сказала Гаусина.

– У меня нет оснований доверять человеку, который не оставляет следов на пыльном полу, – ответил Конан.

Гаусина вздрогнула.

– Ты был единственным из всех, кто обратил на это внимание.

Конан пожал плечами.

– Мне неплохо платят за такую наблюдательность.

– Полагаю, дело не только в оплате… – Девушка слабо улыбнулась. Теперь Конан отчетливо видел, как светятся ее глаза. Бледно-зеленым цветом, как болотные огоньки.

– Кто ты такая, Гаусина? – спросил он шепотом. – Если ты не замышляешь зла, то откройся мне – я попробую тебе помочь. Но если ты меня обманешь и окажется, что и эта непогода, и твое присутствие здесь – часть одного злодейского замысла, то берегись! Кем бы ты ни оказалась, я сумею расправиться с тобой.

Девушка некоторое время молчала, как будто соображая – можно ли довериться этому варвару. Он и притягивал ее, и отталкивал. Рослый, как все северяне, он обладал странной животной силой и вместе с тем, как ей представлялось, был наделен недюжинным умом. Большую ошибку совершил бы тот человек, который не разглядит за варварской внешностью

хитрости и проницательности.

Наконец Гаусина заговорила:

– Это все моя мать и братья. Я имею и виду – дождь, град, ветер… Это все из-за них.

– Где они? – спросил Конан.

– Должно быть, там, на болотах… – Гаусина махнула рукой в неопределенном направлении. – Наша семья была проклята. Это случилось очень давно) когда Дикая Охота бродила по здешним краям. В те годы моя мать владела большим имением к северу от этих мест. Она была знатной дамой, можешь мне поверить! Сейчас ни имени ее, ни герба никто не помнит, но в те времена… О, в те времена наша семья была одной из самых могущественных в Аквилонии!

Глаза девушки вспыхнули, она выпрямилась, и в слабом свечении Конан разглядел ее словно бы заново: тонкие черты, благородная осанка, гордо развернутые плечи.

Даже черные волосы не казались больше грязными и спутанными: они как будто бы падали на плечи шелковистой волной. Но наваждение длилось лишь миг: спустя секунду Конан вновь видел перед собой лишь оборванку с очень белым, нездоровым лицом и бледно пылающими глазами.

Темные губы снова зашевелились, рассказ продолжился.

– Она была очень богата. Ее предки любили воду, и она предпочла построить для себя дом ближе к болотам.

– Атлантида, – прошептал Кода, который все это время прятался под плащом у Конана. – Наверняка ее предки были из атлантов.

Гаусина сдвинула брови.

– Здесь кто-то есть?

– Мой приятель, – небрежно отмахнулся Конан. – Можешь его не бояться – он гном.

– Я не боюсь каких-то там гномов, – заявила девушка, – просто я не уверена в том, что ему следует слушать мой рассказ.

– Не обращай внимания. Он будет со мной, что бы ни случилось – и что бы ты ни сказала, – твердо ответил Конан. – Он должен знать ю, что знаю я, вот и все.

Гаусина некоторое время молчала, как бы свыкаясь с услышанным, а затем продолжила:

– Если твой друг шепнул тебе об атлантах, то он прав. После гибели Атлантиды кое-кто уцелел. Эта кровь, сильно разбавленная кровью обычных людей, передалась моей матери почти в полной мере. Она даже внешне похожа на былых атлантов. Она… – Гаусина судорожно сглотнула. – Она великанша. Огромного роста. Выше тебя.

Конан напрягся. По собственному опыту он знал, что женщины-монстры бывают гораздо более опасными соперниками, нежели мужчины. Действия женщины труднее предсказать.

– Продолжай, Гаусина, – попросил он. – Если ты не затеваешь зла, тебе нечего скрывать и бояться.

– Я никого не боюсь, – отозвалась девушка спокойно. – Итак, моя мать построила себе дом на берегу озера, посреди болот, и стала там жить. Она рожала сыновей от разных отцов, но в конце концов захотела иметь дочь. Она знала, что существо одного с нею пола может родиться только от постоянного мужа. Но никто из мужчин не соглашался уйти жить в ее дом на болоте. Многие боялись ее роста, ее властного характера, но еще больше люди опасались того места, которое она для себя облюбовала.

Моя мать, однако, не оставляла надежд. И однажды решилась на крайнюю меру. Она отправилась к аквилонской границе и там у одного торговца купила себе раба. Естественно, раб не мог возражать против дома на болотах: хозяйка попросту привезла его к себе и объявила ему, что он станет ее единственным мужчиной.

– Это был твой отец? – спросил Конан. Гаусина улыбнулась.

– Ты еще не знаешь главного… Поначалу он был просто в восторге от всего случившегося. Хозяйка ничего от него не требовала – только ночных встреч. В доме всем заправляли сыновья, огромные детины с гигантскими ручищами: мои братья. Они выполняли все домашние работы. Слуг моя мать никогда не держала. Она считает их соглядатаями, шпионами, бездельниками, любителями даровой выпивки…

– Можешь не продолжать, – усмехнулся Конан. – По большей части твоя мать совершенно права.

Гаусина сжала пальцы в кулак.

– И вот настал день, о котором моя мать знала заранее. Раз в сто лет на этих болотах поднимается Дикая Охота. По слухам, король атлантов, отдаленный предок матери, выходит вместе со своими приближенными в мир людей и ищет для себя дичь с горячей кровью. Там, на болотах, покоится целое войско, павшее в битве. Я не знаю – да и никто не знает, что это была за битва. Но они лежат там. Великаны с бледной кожей и черными глазами. Они лежат и ждут своего дня. Когда-нибудь им удастся найти себе жертву достаточно горячую, чтобы она сумела их оживить.

– Невозможно, – сразу же сказал Конан. – Обычная ошибка, которую допускают все колдуны и некроманты. Войска зомби чрезвычайно недолговечны. Во всяком случае, все те, что мне встречались до сих пор, разваливались после того, как к ним применялись надлежащие меры.

Гаусина подняла брови.

– Ты немного смыслишь в этом?

– Поверь мне, девочка, – Конан вздохнул.

– Дикая Охота пронеслась над болотами в тот день, когда я появилась на свет, – голос Гаусины звучал глухо и ровно. – Так рассказывали мне мать и братья. Деревья клонились к земле, тучи застилали полную луну. Войско мчалось над болотами в поисках жертвы. Мертвые воины знали, что поблизости находятся живые люди. Они поступали в дом к моей матери.

«Кто пришел и для чего?» – спросила она.

«Король атлантов явился, чтобы забрать дань», – был ответ.

«Уходи, мне не до короля атлантов, – сказала мать. Она великанша и никого не боится, даже призраков. – Я только что родила дочь, все мои заботы о ней».

«Отдай мне кого-нибудь из домочадцев, и я уйду, – сказал король атлантов. – Я ждал этого дня целых сто лет, не заставляй меня уйти разочарованным».

Моя мать колебалась недолго. Никого из моих братьев она бы не отдала Дикой Охоте. Возможно, она и не любит их, но все они – ее плоть и кровь. Поэтому она решила отдать королю атлантов моего отца.

Она позвала его и велела ему принести воды. «Меня мучает жажда, а вся вода в доме закончилась, – сказала она. – Выйди наружу, сходи к колодцу».

Мой отец не мог ей не подчиниться. Я думаю, дело тут было не только в том, что она оставалась его госпожой – просто-напросто он успел полюбить ее. Узнав, что ее мучает жажда, он тотчас взял ведро и вышел за дверь.

Больше его никто не видел – Дикая Охота забрала его. Однако он успел прокричать проклятие вероломной женщине. Она будет жить до тех пор, пока следующая Дикая Охота не заберет ее вместе с ее потомством.

– Он проклял и собственную дочь? – удивился Конан.

– Я думаю, в тот миг он даже не сообразил, что делает, так потрясло его предательство моей матери, – ответила Гаусина. – Но, как бы то ни было, а мы живем уже более сотни лет в ожидании, когда сбудутся слова моего отца. Мать не верит в это. Она только смеется и повторяет: «Сам того не зная, бедняга оказал нам большую услугу: он подарил нам сказочное долголетие».

– Твоя мать полагает, будто ей удастся избегнуть преследований Дикой Охоты и прожить после этого еще лишнюю сотню лет – а потом еще, и еще?

– Именно так.

– Неужели ты в это не веришь? – Конан внимательно посмотрел на девушку.

Она отбросила с бледного лба черные волосы, опустила ресницы, отчего тени вокруг ее глаз сделались заметнее.

– Я ушла от моих родных, потому что не хочу оказаться рядом с ними, когда придут атланты. Я верю, что отец не имел в виду меня, когда проклинал предателей.

– Если все, что ты рассказала? – правда, – медленно проговорил Конан, – то в твоих жилах течет отравленная кровь. Она не может не привлечь Дикую Охоту. Сколько жертв может удовлетворить мертвого короля атлантов?

– Как утверждают, обычно он забирал только одного человека, – сказала Гаусина. – Но в этот раз, полагаю, он явится для того, чтобы забрать всех…

Копан похолодел.

– Только не говори, что это произойдет нынче же ночью!

– Ты угадал, – кивнула девушка.

– Кром! Проклятье! – взревел варвар, нимало не заботясь тем, что воплями может разбудить своих спутников. – Коварная ведьма! Я так и знал, что здесь нас подстерегает какое-то несчастье!

– Я рассказала тебе все как есть, – отозвалась Гаусина. И добавила: – Я ведь не завлекала вас в эту таверну. Ты и твои спутники сами явилась сюда. Таков был ваш выбор – теперь уже пс amp;дно уходить, так что если вы и разделите мою судьбу, то сделаете это совершенно добровольно.

* * *

Ночь тянулась бесконечно: стемнело очень рано, за несколько часов до полуночи. Дождь прекратился, ветер то и дело разгонял тучи, но они наползали вновь и скрывали полную луну. Было очень тихо, если не считать завываний ветра. Ни один зверь, кажется, не решался покинуть свою берлогу в такую ночь.

Конан с Гаусиной вышли из таверны на дорогу и долго стояли, наблюдая за рваными тучами, несущимися по небу. Они чутко прислушивались к происходящему в лесу и на болотах: не донесется ли волчий вой или стук конских копыт. Гаусина не знала признаков приближения Дикой Охоты – она никогда не встречала мертвых атлантов, а расспрашивать об этом мать или братьев не решалась.

То, о чем она поведала Конану, она узнала случайно: проговорился самый младший из ее братьев, когда выпил лишку и рассердился на сестру за нерасторопность. «Человечье отродье, – назвал он ее, – недаром твоего отца унесла Дикая Охота: наша мать не могла придумать ничего лучше, чем избавиться от этого ничтожества подобным образом! И то сказать, мудрая женщина наша мать: разом и от мертвых атлантов откупилась, и глупого раба спровадила от себя, коль скоро его постельные услуги больше не понадобятся!»

Конан поглядывал на Гаусину с подозрением. Хоть девушка и выглядела совершенно искренней и рассказала, кажется, все без утайки, но варвар не мог отрешиться от мысли о том, что ей сегодня исполняется ровно сто лет, а между тем она выглядит шестнадцатилетней. Холодная вода стекала по ее босым ногам, но Гаусина даже не морщилась. Ветер хлестал ее худенькое тело, едва прикрытое лохмотьями, однако и это не могло заставить ее вздрогнуть.

Стоя рядом с этой девушкой рослый варвар, закутанный в теплый непромокаемый плащ, ощущал с особенной остротой присутствие в ней нечеловеческой крови. Ни одно «человечье отродье» не держалось бы так невозмутимо в ожидании появление мертвого короля с призрачной и смертоносной свитой.

Неожиданно холодный ветер пронесся над лесом – и стих. Наступила полная, мертвая тишина. Ни одна ветка не решалась качнуться на дереве, ни одно животное не ступало лапой на землю. От этого безмолвия закладывало уши.

Издалека донесся равномерный гул, как будто приближалось огромное конное войско.

– Это они, – одними губами прошептала Гаусина.

Конан обнажил меч и стиснул рукоять. Мороз пробежал у него по коже. Глухое ворчание зашевелилось у варвара в горле, точно у дикого Зверя при виде неведомой опасности.

На дороге показались неоформленные темные тени. Хоть ночь и была темной, но сгустки мрака выделялись даже в этой мгле.

Гром копыт нарастал, отзываясь в ушах болезненным гулом. Казалось, тысячи разъяренных варваров колотят в боевые барабаны, готовясь броситься в атаку.

Тьму прорезал багровый огонь. Сначала Конану показалось, что это молнии сошли на землю и мечутся под копытами обезумевших лошадей с пылающими глазницами, но нет – это были факелы в руках призрачных всадников. Теперь можно было видеть развевающиеся рваные плащи и истрепанные стремена, облезлые шкуры лошадей с немыми бубенцами, вплетенными в

гривы, седла с обтрепанными кистями.

Впереди скакал всадник непомерного роста. Конь под ним был настоящим гигантом. Пламя вырывалось из раздутых окровавленных ноздрей животного, кровь и пена капали с его губ. Объятая багровым светом корона плотно сидела на голове с редкими бледно-рыжими волосами. Она как будто жгла мертвого короля, причиняя ему страшные страдания. Мука искажала уродливое, наполовину разложившееся лицо, но губы растягивались в улыбке злобного торжества.

В седле перед королем сидела женщина. Она была невероятно высокой и широкой в кости, и все-таки по сравнению с гигантом-королем выглядела небольшой. Черноволосая и бледная, с распахнутыми глазами и раскрытым в беззвучном крике ртом, она льнула к королю. Ее длинное платье развевалось, обнаженные руки хватались за гриву – рукава с них были сорваны.

– Это моя мать, – прошептала Гаусина. Как ни тихо звучал голос девушки, Конан расслышал ее слова.

Рядом с женщиной ехали трое молодых мужчин. В отличие от прочих всадников, они еще сохраняли свои лица, в их глазницах не было огня – они смотрели перед собой живыми глазами, и в их зрачках отражались ужас, огонь и звезды ночи.

То были братья Гаусины…

Король поднял руку, и призрачное воинство остановилось. Снова стало тихо, и тишину эту прорезал негромкий властный голос, звучавший, казалось, из самых глубин преисподней:

– Мы пришли за последней…

Когда смолкли последние раскаты эха, тишина воцарилась вновь. Конан слушал, как бьется его сердце. Гаусина рядом с ним не шевелилась. Киммериец не мог определить – испугана ли она.

– Гаусина! – пронзительно закричала женщина, сидевшая в седле перед королем. – Иди к нам, Гаусина!

И братья девушки подхватили:

– Да, да, иди с нами! Ты должна быть с нами, Гаусина!

Конан шагнул вперед, подняв меч. Король медленно повернул в сторону варвара голову и обжег его взором своих мертвых глаз, – Прочь с дороги, человечишко! – пророкотал король атлантов. – Убирайся!

Конан издевательски захохотал.

– Попробуй прогони меня, мертвец!

Огромный конь выдохнул длинную струю пламени. Киммериец отскочил и набросился на короля сбоку. Удар меча пришелся по коню и задел ногу женщины, сидевшей в седле. Конану показалось, что сталь прошла сквозь пустоту. Но в тот же

миг рука, наделенная сверхъестественной мощью, сдавила его горло.

Конан захрипел. Вместо того, чтобы пытаться сорвать пальцы, сжимающие его шею, он выхватил левой рукой кинжал и вонзил его наугад. Раз за разом клинок входил в воздух, но затем Конан поразил нечто твердое и понял, что ему удалось задеть остатки плоти короля атлантов.

Хватка ослабла, варвар освободился и отпрыгнул на несколько шагов.

Шатаясь и заливаясь пылающей багровой кровью, король с трудом удерживался в седле.

– Не любишь доброе железо? – прохрипел Конан. – Я так и знал!

Женщина рядом с королем больше не сидела, выпрямившись. Заливаясь кровью, она поникла в седле, ее голова упала на шею лошади, волосы свесились почти до земли, переплетаясь с облезлой лошадиной гривой.

– Ты убил нашу мать! – кричали братья Гаусины, надвигаясь на Конана с трех сторон.

Призрачное воинство клубилось за их спинами, и невозможно было попять, сколько всадников скрывается во тьме. Копыта лошадей не достигали земли, хотя и грохотали: они мчались по почве иной реальности, нежели та, которую видят глазами и осязают руками обычные люди.

Конан ловко отразил удар длинного меча, направленный ему в голову, и вновь вернулся к поединку с королем атлантов. Теперь призрачный всадник двигался гораздо медленнее: ему мешало железо, застрявшее в его костях.

Гаусина стояла посреди дороги, наблюдая за битвой. Странное сражение – в присутствии безмолвного войска, один живой против четверых мертвецов. Ветра, прилетевшие из неведомых миров, дули в лицо девушки, отбрасывали назад ее спутанные волосы, трепали ее рваную одежду. Она раздувала ноздри, втягивая в себя странные запахи: благовоний и гнили, болотной сырости и жареного мяса, ароматных цветов и смятой травы.

Вслед за запахами прилетели звуки: музыка, голоса. Мелодии тянулись и обрывались, не достигнув наивысшей точки; голоса звали, но останавливались, не закончив произносить имя призываемого. Гаусина болезненно вслушивалась, пытаясь понять происходящее, и ее затягивало все глубже в этот полуоткрывшийся омут.

Неожиданно она различила голос, который звучал яснее всех. Голос мужчины, сильный' и уверенный. Он называл ее «дочерью»

и просил быть твердой.

– Дочь, дочь, – повторял он, – дочь, дочь…

И тогда она поняла, кто к ней обращается. – Я здесь, отец! – пронзительно закричала она.

– Не соглашайся с ними! – разобрала она призыв отца. – Не иди к ним! Будь тверда, дочь, будь тверда!

– Я не пойду к ним, – сказала Гаусина. – Я пойду за тобой.

– Я мертвец, – отозвался муж ее матери, – твоя мать убила меня.

– Иди ко мне, – умоляла Гаусина, не замечая, как слезы стекают по ее лицу, – иди в мои объятия, отец, я успокою тебя, я предам тебя земле, если ты мертв, я устрою твою старость, если ты жив…

– Я мертв и молод, мне не нужны твои объятия, и у меня не будет старости, – шелестел голос, постепенно отдаляясь.

И все стихло. Ветер улегся, запахи исчезли.

Гаусина вышла вперед, властно вмешиваясь в битву. Взмах королевского меча задел ее и обрубил прядь ее волос – таким острым был клинок.

Гаусина закричала:

– Отдайте мне отца и уходите! Громовой хохот был ей ответом.

– Забирайте мою мать! Забирайте моих братьев! – кричала девушка. – Я отдаю их тебе, король атлантов! Но взамен я желаю забрать моего отца!

Битва остановилась. Конан опустил меч, тяжело переводя дыхание. Он ни на мгновение не верил, что мертвый король, предводитель Дикой Охоты, согласится пойти на уступки. Но киммериец был благодарен Гаусине за то, что она позволила ему передохнуть: бой сразу с четырьмя практически неуязвимыми противниками измотал даже варвара.

– Зачем тебе отец? – гремел голос короля. – Он давно умер!

– Не твое дело! – дерзко отвечала Гаусина. – Мне нужен отец, пусть даже и мертвый, а ты бери себе четверых.

– Я возьму тебя! – сказал король, низко наклоняясь к девушке с седла.

Совсем близко она увидела его лицо: безносое, с широкой щелью беззубого рта, с провалами глазниц, где пылало адское пламя. Как завороженная уставилась Гаусина в эти глазницы и уже различала на дне их копошащихся демонов со смеющимися образинами…

– Нет! – взревел Конан, бросаясь к королю и нанося ему в прыжке мощный удар.

Прямой киммерийский меч обрушился на шейные позвонки

мертвеца и перерубил их. Голова с короной отлетела с шеи и покатилась по земле, оставляя за собой пылающий след.

По войску пронесся протяжный стон. Он длился невыносимо долго, медленно нарастая и становясь в конце концов оглушительным. Казалось, от боли кричит вокруг все: земля, деревья, живые и мертвые существа, что прячутся в этой бесконечной ночи. Из миров, скрытых толщей времени и забвения, долетали рыдания тысяч голосов.

Гаусина упала на землю, закрывая уши ладонями. Сквозь ее пальцы струилась кровь.

Конан стоял неподвижно, оскалив зубы. Звук оглушал его, от воя цепенели пальцы, но все же киммериец не сдавался. Он не намерен был идти на поводу у черной магии мертвецов.

Безголовое тело тщетно хватало воздух вокруг себя, стискивая пустоту костлявыми пальцами. Голова откатилась на обочину дороги и там замерла. Теперь она лежала прямо на земле, как будто выпав из неземного пространства в самое обычное, где обитают теперешние люди.

Один за другим начали исчезать в темноте призрачные воины. Войско редело и становилось все менее многочисленным. Конан видел, как задрожало и распалось на части тело одного из братьев Гаусины, как смазалось и растворилось во мраке тело женщины, и как сам король неловко рушится с коня. Кости еще некоторое время сохраняли прежнюю форму человеческого скелета, а после стали отваливаться и они. Заржав и поднявшись на дыбы, черный конь избавился от всадника, которого носил на себе столько лет, и взвился в воздух. Мгновение – и эта тень исчезла на фоне звездного неба.

Гаусина больше не стонала – она неподвижно лежала на дороге. Возле нее на корточках сидел Пустынный Кода. Гном растерянно поводил глазами и уши на его голове слегка шевелились, как будто их раздувало ветром.

Конан смотрел на Дикую Охоту, которая уходила без добычи – впервые за долгие века. Теперь в воздухе отчетливо пахло болотом и гнилью. Снова поднялся ветер – самый обычный, и в лесу возобновилась обыкновенная ночная жизнь: вечное шуршание, слабый отдаленный писк, крик ночной хищной птицы, потрескивание сучьев.

Кода бормотал, обращаясь к девушке:

– Все ведь закончилось – вставай, а? Ну все ведь уже стало хорошо – ты не умирай, ладно? Конан их прогнал, Гаусина, можешь не сомневаться…

Но Гаусина все не решалась оторвать лицо от земли, так страшно было ей взглянуть на происходящее вокруг. Силы

оставили ее. Она думала, что сможет держаться мужественно до самого конца.

И ошиблась. Один взгляд в глаза короля атлантов лишил се храбрости и наполнил сердце отчаянием вечной смерти.

Она как будто заглянула по ту сторону жизни и поняла, что ждет проклятые души. Мучения в когтях. демонов, пламя или лед, в который замурованы души предателей, – ничто по сравнению с той кошмарной, высасывающей силы тоской, которая охватила девушку. Вечность в подобном состоянии – без всякой надежды на избавление!

Нет, это свыше человеческих сил…

Внезапно Конан увидел впереди на дороге какое-то темное пятно. Луна как раз вынырнула из-за туч, чтобы осветить это бледными лучами. Киммериец, нахмурившись, быстро зашагал в ту сторону.

Исчезая, Дикая Охота оставила после себя нечто. И это «нечто» оказалось человеком – вполне живым и не слишком старым, лет тридцати, не более. Человек этот корчился на земле и стонал.

Конан опустился рядом с ним на колени и на всякий случай прикоснулся к его телу мечом. Холодное железо не вызвало у него судорог, как это произошло бы с нелюдью. Напротив, он затих, а затем открыл глаза и посмотрел на Конана вполне осмысленно.

– Ты кто? – спросил Конан.

– Не помню в точности, – ответил человек. – Я был… – Он сморщился так, словно любая попытка что-либо вспомнить из своего прошлого причиняла ему болезненные страдания. – Я был… где-то… в пустоте. В темноте.

– Ты был мертв, – сказал Конан.

Он тихо вскрикнул и закрыл лицо руками.

– Я знаю тебя? – спросил варвар.

Не отнимая ладоней от лица, человек покачал головой.

– Так давно… – разобрал Конан его шепот. – Это случилось так давно… Сегодня я видел ее – ту женщину, что предала меня.

– Твоя дочь здесь, – сказал Конан, взяв его за руку. – Забудь все остальное. Если ты жив, то у тебя впереди долгие годы. Та, ради которой тебя взяли в дом, а после предали Дикой Охоте, сегодня пришла, чтобы вызволить тебя.

– Я проклял их, – сказал человек.

– Только не ее, – возразил Конан. Человек покачал головой и уставился на киммерийца с отчаянием.

– Что ты можешь знать о моем проклятии! Я не видел моей дочери – я проклял и ее, потому что после ее рождения не стало

надобности во мне… и меня отдали, точно ненужную вещь, королю мертвецов!

– Идем, – повторил Конан. – Она ждет. Он помог отцу Гаусины подняться и подвел его к девушке. Та стояла на дороге, держа за руку Пустынного Коду: гном с многозначительным видом морщил лохматую мордочку.

Отец Гаусины смотрел на свою дочь настороженно, но та не стала таиться и изображать холодное безразличие. С тихим криком она бросилась ему на шею.

– Они ушли навсегда, – проговорила она. – Они больше не вернутся. И моя мать скрылась вместе с ними.

* * *

Ни Гэлант, ни его слуги не видели происходящего: один только Кода стал свидетелем жуткого появления Дикой Охоты. Гэлант проснулся только после того, как наступил рассвет, и в помещении наконец запахло горящими дровами: собранный вчера хворост за ночь немного просох и соизволил загореться в очаге.

Не без удивления сказитель увидел, что в помещении появился еще один человек – невысокого роста, темноволосый, с немного растерянном взглядом. Гаусина сидела рядом с ним и держала его за руку, а он то посматривал на девушку, то обводил диковатым взором комнату.

Кода старался держаться от обоих подальше. Время от времени гном украдкой поглядывал на них, а затем с возмущенным тихим шипением отворачивался. Конан спал, развалившись на полу, – беспробудным сном тяжко потрудившегося человека.

По знаку Гэланта, Вендо, хранитель лютни, вынул музыкальный инструмент из водонепроницаемого мешка. Сказитель попробовал струны, настроил лютню и сыграл несколько мелодий. Мысленно он уже готовился к вечерам в гостеприимном замке Мак-Грогана.

Незнакомец слушал мелодии с такой жадностью, с какой блуждающий в пустыне одинокий путник не приникает к источнику вод. Ничего удивительного: в царстве мертвых, под властью предводителя Дикой Охоты, он не слышал музыки и теперь только понял, как изголодался по ней.

Наконец Гэлант отложил лютню и заговорил с незнакомцем:

– Полагаю, эта девушка тебе знакома. Позволь же и нам

представиться тебе. Я – Гэлант Странник, сказитель и путешественник, а это мои спутники и слуги. Вендо – хранитель лютни, Меркон – хранитель книг для записей и чернил. А тот громила, что спит сейчас беспробудно, – Конан, мой телохранитель.

– Твой телохранитель – великий герой, – серьезно проговорил отец Гаусины. – Я видел нынче ночью, на что он способен.

– Разве ночью происходили какие-то события? – удивился Гэлант.

Гаусина кивнула.

– Закончилась самая долгая и самая страшная вражда, что царила на наших болотах многие столетия…

Рассказ о Дикой Охоте занял немного времени: сказитель слушал жадно, но не просил развести для него чернила, чтобы записать подробности, – у него была хорошая память, и многое из услышанного он запоминал почти дословно, а заносил в свою книгу потом, когда разговор подходил к концу.

Отец девушки все это время молчал, ни во что не вмешиваясь. Казалось, он и сам не понимал, какому миру теперь принадлежит: миру живых или миру мертвых, миру реальности или миру призраков. Он только осознавал близость существа, которое, оказывается, любило его все эти бесконечно долгие сто лет.

Нет, он не проклял свою дочь. Когда он призывал гнев богов на голову вероломных людей, предавших его в руки короля атлантов, он не имел в виду новорожденное дитя. Теперь это стало очевидно. Гаусина не несла на себе клейма проклятия.

– Странно, – бормотал Кода, – а теперь она начала оставлять следы. Должно быть, и для нее вся эта история с Дикой Охотой закончилась наилучшим образом.

На Коду мало обращали внимания. Пустынный гном, впрочем, не огорчался: он привык оставаться незаметным. Так удобнее было наблюдать – и избегать неприятностей.

Конан пробудился лишь после того, как еда была готова. Он уселся, провел ладонью по лицу и объявил, что дьявольски голоден.

Теперь, когда история его сражения с королем-призраком стала известна, слуги Гэланта, да и сам сказитель, переменили к нему отношение. Из снисходительного – что, дескать, взять с неотесанного варвара! – оно сделалось уважительным и даже приобрело оттенок почтения.

Конан не слишком озаботился причиной таких перемен. Главное – все живы, и еда готова!

Путники решили провести здесь еще одну ночь. Собраться с

силами, подкрепиться – и уж после двинуться в путь. Впереди лежало несколько небольших городков, а дальше – замок Мак-Грогана, цель пути. Туда следовало явиться отдохнувшими, полными творческих замыслов, чтобы граф не испытал разочарования в давнем друге.

Ибо – в глубине души Гэлант подозревал это всегда – граф Мак-Гроган ценил в Гэланте не доброе сердце, не отзывчивость и не мягкость обращения, но его песенный дар и умение развлекать людей при любых обстоятельствах.

* * *

Таверна осталась в полном распоряжении Гаусины и ее отца. Оба они решили не возвращаться в дом на болотах. Слишком много тяжелых и страшных воспоминаний с ним связано. Девушка набралась сил и съездила туда за некоторыми вещами, чтобы можно было открыть настоящий постоялый двор. Ее отец взял себе новое имя и с удовольствием принялся, за работу.

Простившись с ними, Гэлант двинулся дальше.

Замок Мак-Грогана появился перед путешественниками неожиданно. Он как будто сторожил путника, высматривая неосторожную жертву с вершины горы, как хищная птица, засевшая на скальном утесе. Давным-давно возведенный в здешних краях воинственными предками Мак-Грогана, этот замок был настоящим разбойничьим гнездом. Когда Мак-Гроганы враждовали с аквилонскими королями, никому из них не удавалось взять эту твердыню штурмом и только два раза брали ее измором. И ни разу ворота крепости не отворяло предательство: люди были преданы своим господам Мак-Гроганам до смерти и едва ли не молились на них, точно те являли собою некие божества.

Причина тому заключалась в характере здешних горцев, которые превыше всего ценили в человеке верность. А кроме того было широко известно, что графы Мак-Гроганы никогда не предают тех, кто присягал им. Случалось, что кто-нибудь из господ выкладывал огромные деньги на выкуп своих подчиненных из плена.

Имелся в истории фамилии также один граф Мак-Гроган, который вызвался биться на поединке с неким знатным господином, дабы отстоять честь дочери своего человека, обычного крестьянина. В этом поединке Мак-Гроган был убит, а

девушка отдана помимо своей воли замуж за насильника. И хотя эта история завершилась печально и справедливость не восторжествовала, она считалась одной из славнейших в истории рода, поскольку повествовала о непоколебимой верности, связавшей Мак-Гроганов и их людей.

Конан с интересом слушал подобные рассказы, пока Гэлант показывал своему телохранителю портреты в большой галерее, где сказитель ожидал встречи со своим другом.

Они прибыли в замок на рассвете. Граф еще не вернулся с охоты, однако Странник встретил наилучший прием. Его слуги были разведены по комнатам, на кухне уже хлопотали насчет раннего завтрака. Сам же Гэлант и Конан предпочли подождать в галерее. Хозяин замка ожидался приблизительно в это же самое время, а гостям не хотелось отправляться в отведенные им покои прежде, чем они приветствуют гостеприимного хозяина.

Портреты Мак-Гроганов были выполнены в камне, вырезаны в виде барельефов, вышиты на гобеленах, а самые ранние представляли собой грубые деревянные скульптуры. Рассматривая их, Конан понимал, каким древним был этот род, и гадал: каковы же окажутся нынешние Мак-Гроганы, не посрамят ли они славы своих великих предков?

– Чему ты улыбаешься, Конан? – удивленно спросил его Гэлант, заметив, как странное выражение появилось на лице телохранителя.

– Я размышляю о том, как трудна бывает судьба последних представителей великого родал – задумчиво молвил Конан. – На нем лежит тяжкая ответственность – ведь он должен прожить жизнь так, чтобы не посрамить никого из древних славных героев. Должно быть, это нелегко – все время ощущать на своих плечах тяжесть многовековой истории. Куда проще быть первым в роду…

– Полагаю, ты намерен стать основателем династии? – улыбнулся Гэлант.

– Кром! Проклятье, сказитель! Я ведь говорил тебе, что происхожу из старинной киммерийской семьи. В моем роду многие были воинами, а иные – кузнецами, что весьма почтенное занятие, ибо, оно связывает человека с подземным огнем и с богами! Но я воистину буду первым…

Он замолчал, погрузившись в мрачные раздумья. Гэлант не рад был, что завел разговор.

К счастью, вскоре в галерее показался молодой человек лет восемнадцати. Он был высоким, с длинными светлыми волосами, немного вьющимися, перехваченными золотой лентой. Широкие плечи подчеркивались одеждой, которая зрительно увеличивала фигуру. Крепкая талия была стянута наборным поясом из медных

пластин. Лицо у молодого человека открытое, но какое-то печальное, в светлых глазах – беспокойство и грусть.

– Дуглас! – воскликнул Гэлант и поспешил ему навстречу. – Боги, ты ведь стал настоящим воином! Сколько же лет я отсутствовал?

Сказитель обернулся к Конану, который рассматривал молодого человека холодными синими глазами и едва заметно хмурил брови.

– Познакомься, Дуглас, это – мой спутник Конан-Киммериец, телохранитель и друг, человек, который спас и меня, и всех нас от…

Конан едва заметно покачал головой, как бы стараясь удержать сказителя от неумеренной похвалы, но Гэлант не мог удержаться:

– От Дикой Охоты!

Лицо юноши озарилось недоверчивой улыбкой:

– Дикая Охота? Та самая, о которой ты рассказывал когда-то, – мертвый король атлантов и его воинство?

Гэлант кивнул.

– Я полагал всегда, что это всего лишь легенда, но, как оказалось, всякая легенда в своей основе правдива. Истинным оказался и рассказ о Дикой Охоте. Мы видели ее собственными глазами…

Здесь Гэлант, разумеется, несколько преувеличивал: ничего он не видел, поскольку крепко спал в ту ночь. Но Конан не мог его винить. Киммериец был уверен в том, что беспробудный сои насылал на людей сам король-мертвец, чтобы те потом не могли толком вспомнить событий минувшей ночи и не решились разыскивать пропавших, тех, кого забрала Дикая Охота. Пусть лучше люди боятся того, о чем догадываются – но чего не встречали лицом к лицу.

– Смотри же, Конан, это сын моего друга, молодой граф Мак-Гроган! – продолжал сказитель, подводя молодого человека за руку к Конану. – Я не видел его всего несколько лет, но это были важные годы: пока я странствовал по свету, Дуглас вырос и превратился в истинного мужчину!

Конан был далек от того, чтобы именовать этого юношу «истинным мужчиной». Дуглас Мак-Гроган был красив, его сложение обещало, что с годами он действительно сделается мощным мужчиной, но это время еще не настало.

Дуглас встретился с киммерийцем глазами и кивнул немного рассеянно. Было очевидно, что молодой граф думает о чем-то очень далеком, никак не связанном ни с гостем, ни с его славным телохранителем, и даже Дикая Охота не имеет к мыслям Дугласа

никакого отношения.

– Надеюсь, в замке вы встретите наилучший прием, – дружески сказал Дуглас. – Я слышу трубы – возвращается отец. Вечером, вероятно, будет приготовлена оленина. Отец никогда не приходит с охоты без добычи.

– Отчего же ты сам не охотишься? – спросил Гэлант. – В твоем возрасте пора уж приобретать навыки охотника!

– Охотиться? – Дуглас поднял брови. – Я никогда не буду стрелять в цель лучше, чем это делает мой отец. Да и какие это противники – олени да косули, дикие куропатки и зайцы? Я предпочел бы охоту на вепря, но в наших краях они почему-то не водятся. А велика ли слава для мужчины в том, чтобы подстрелить из лука маленькую косулю?

Конан чуть заметно усмехнулся.

– Никто не ищет славы во время охоты, – сказал киммериец. – Это лишь забава для богатых и необходимость для бедных. Истинную славу мужчина может стяжать только на войне. Но я не советую тебе бросать все и отправляться на какую-нибудь войну простым наемником, – добавил киммериец, увидев, как в глазах юноши загорелся огонек, – потому что для властителя, которым тебе предстоит стать, великая честь заключается также в том, чтобы быть справедливым и милостивым к своим подданным.

«А ведь он и на самом деле говорит и держится как настоящий король, – мелькнула мысль у Гэланта. – Забавный парень этот киммериец. Глядишь, и впрямь когда-нибудь завоюет для себя королевство…»

Дуглас неопределенно пожал плечами и поскорее ушел, оставив своих гостей в одиночестве.

* * *

Хозяин замка понравился Конану гораздо больше, нежели его юный наследник, хотя внешне оба Мак-Грогана были очень похожи, и отец выглядел ненамного старше сына. Граф был шумным, веселым. Он ворвался в замок, как и говорил его сын, вскоре после того, как чуткое ухо юноши уловило звуки охотничьих рогов, и все вокруг наполнилось шумом жизни. Слуги сновали взад-вперед, готовя свежие одежды, наполняя водой бочки для умывания и выволакивая из подвалов запасы вина, которому надлежало «подышать» – постоять открытым прежде, чем его подадут на стол.

На кухне творилось нечто невообразимое, и только главная стряпуха в состоянии была управляться с этим хаосом, только она знала, кто чем занимается, – ее работа была сродни деятельности полководца.

Освежившись и едва сменив запыленную одежду на чистую, граф пригласил гостей в охотничий зал, свою любимую комнату в замке. Стены ее украшали оленьи рога и набитые соломой ос-

каленные волчьи головы, несколько гобеленов изображали сцены погони за зайцами или взлет ловчих птиц с рукавицы.

Конан устроился в кресле возле окна, спиной к свету, так, чтобы лучше видеть графа и его собеседника. Он предпочел оставаться рядом с Гэлантом – не потому, естественно, что не доверял Мак-Грогану и готовился в любой миг защитить своего нанимателя от какой-нибудь неожиданной опасности, по исключительно из любопытства. Мак-Гроган, следует отдать ему должное, не задавал лишних вопросов касательно присутствия киммерийца. Ему и самому любопытно было познакомиться с этим молодым Человеком поближе.

Подали вино и фрукты. При виде фруктов Конан слегка поморщился: аквилонская кухня не вполне устраивала киммерийца. Особенно этот ужасный обычай вымачивать яблоки, отчего плоды делаются сморщенными, блекло-розовыми и водянистыми. Конан предпочел бы мясо. Впрочем, он предпочитал мясо любому блюду, даже самому изысканному.

Представив Конана своему другу, сказитель заговорил о приключениях, которые пережил в пути. Он рассказывал о морских девах и лесных духах, о черных красавицах, которые умеют разговаривать с богами, и о богах, нисходящих к земным женщинам; о том, что повидал сам, и о том, что услышал от других.

– Со временем все это превратится в сладкозвучные песни, не сомневаюсь, – отметил граф, – но и в обычном пересказе звучит удивительно. Продолжай, прошу тебя, не останавливайся.

Конан не разделял увлеченности Мак-Грогана. Киммериец побывал в тех краях, о которых столь красочно повествовал сказитель, и хорошо знал, как там обстоят дела. Некоторые легенды казались ему знакомыми. Одна его почти насмешила. В изложении Гэланта она выглядела так.

…Жил некий человек, который нигде не мог найти себе достойного места. Он скитался по свету, потому что судьба оторвала его от корней. Он считался позором своей матери и не знал своего отца.

Человек этот мечтал о богатстве и славе и однажды услышал о сокровище, которое принадлежало древней, давно забытой

богине. В надлежащий день, вознеся хвалу богам, наш герой отправился в путь.

Его дорога лежала через безводную пустыню, где его подстерегало множество опасностей. Он повстречал пустынного духа, огромного и жуткого, который служил орде воинственных кочевников. Кошмарное воплощение разрушительного духа пустыни приняло облик гигантского смерча и набросилось на нашего героя, а яростные кочевники атаковали его со всех сторон.

Но помощь великой богини, которая незримо следила за своим слугой, помогла ему одолеть всех врагов, а коварный пустынный дух сделался его союзником. Наш герой добрался до гор и отыскал там сокровище. Говорят, когда богиня завладела вещью, принадлежавшей ей по праву, она вернула себе всю силу, которую утратила за минувшие века, и вновь воцарилась в своих владениях, а человек, который помог ей занять прежнее место в сонме божеств и духов, стал ее верным служителем…

– Очень трогательно, – заговорил вдруг Конан.

О слушателе, который неподвижно сидел возле окна и все это время не шевелился, граф и сказитель совершенно забыли и теперь уставились на киммерийца с искренним изумлением.

– О чем ты говоришь, Конан? – спросил Гэлант, который первым пришел в себя.

– Да об этой истории, – объяснил Конан, – про богиню и ее сокровище. Особенно меня насмешила та часть, где повествуется об огромном пустынном духе. Очень злом, страшном, могучем и так далее… Откуда ты взял эту историю, Гэлант Странник?

– Я услышал ее на рынке, – чуть насупясь, ответил Гэлант. – В Куше. Ее пел человек со странной для тех краев белой кожей.

– О, ну конечно, – вставил Конан как бы про себя.

– Мне понравился его голос, – продолжал Гэлант. – Не понимаю, впрочем, почему мы разговариваем об этом! Обычно я предпочитаю не раскрывать своих секретов – ведь сюжеты моих

песен я нахожу повсюду, подобно тому, как дикарь подбирает съедобные плоды везде, где только ни видит их лежащими на земле.

– Ну да, – вставил Конан, – а еще он рвет их с кустов и деревьев, если замечает, что они созрели.

Гэлант нахмурился.

– К чему твои насмешки, киммериец? Я не понимаю их. Неужели я так дурно с тобой обращался, что ты решил посмеяться надо мной в присутствии моего высокородного друга?

– Я вовсе не смеюсь над тобой, Гэлант, – возразил Конан. – И твое обращение нахожу весьма приятным. Ты честный человек, а защищать тебя от бед было для меня сплошным удовольствием.

– «Было»? Надеюсь, ты не хочешь со мной расстаться? – удивился Гэлант.

– Это уж как получится… Вижу, ты намерен провести в замке долгое время, а я не люблю засиживаться на одном месте, – сказал киммериец. – Однако давай вернемся к тому рассказу, который только что услышали. Говоришь, певец был с белой кожей, а выступал на рыночной площади где-то в Куше?

Гэлант кивнул и вдруг насторожился.

– Тебе знаком тот человек, не так ли?

– Если его зовут Дартин, то – да, знаком, – подтвердил киммериец.

– Кажется, такое имя он назвал…

– И много денег ты заплатил ему за то, чтобы записать его песню? – осведомился киммериец.

– Он был совсем беден, – сказал Гэлант и развел руками. – Городок, где он выступал, и городком-то не назовешь. Несколько десятков хижин, разбросанных но лесной поляне, а слушатели – чернокожие полуобнаженные люди с листьями на поясе, которые заменяли им обычную одежду. Листья же составляли их украшения, а многие девушки И дети ходят совершенно без одежды. На головах у них кувшины с водой и корзины с плодами. Их воины носят медные браслеты и не расстаются с копьями, к которым привязаны заостренные камни…

Конан слушал, и лицо его туманилось: он въяве представлял себе те далекие жаркие страны. Киммериец не без удивления понял, что тоскует по ним, и мысленно дал себе слово вернуться в те края. Туда, где его знали как Амру, Льва. Туда, где чернокожие подчинялись его слову и мчались вместе с ним в неистовые битвы…

Он вздохнул, наваждение воспоминаний рассеялось.

– Продолжай, – мягко проговорил граф Мак-Гроган, обращаясь к Гэланту.

Тот встряхнулся.

– Прости, я задумался. Конан удивил меня – и уже не в первый раз. Стало быть, ты тоже побывал там, киммериец…

– Да, – сказал Конан. – Но продолжай про Дартина. Ты даже и представить себе не можешь, как мне интересно.

– Жаль, что не мой рассказ пробудил твое любопытство… – вздохнул Гэлант. – Обычно люди начинают слушать меня со жгучим интересом лишь в тех случаях, когда я говорю либо

об их знакомых, либо о тех краях, где они когда-то были. В самом крайнем случае – если у них есть вещица из той земли, о которой я веду рассказ.

– Так уж устроены люди, – не без ехидства отозвался Конан.

А граф Мак-Гроган прибавил:

– Только не я. Мне нравится все, о чем говорит сказитель.

– И не я, – донесся неожиданно новый голос.

Все трое собеседников повернулись в ту сторону и увидели Дугласа. Юноша, никем не замеченный, вошел в зал и слушал, стоя в темном углу.

– Садись, – пригласил его граф. – Мы не слышали, как ты появился.

– Возможно, я и не хотел, чтобы вы меня заметили, – сказал Дуглас.

Он прошел к отцу и устроился рядом с ним в кресле.

– Продолжай, – обратился он к сказителю. – Каждая твоя истории – истинное сокровище.

– Тот человек, Дартин, – заговорил вновь Гэлант, – представлял собой; странное сочетание наглого нищего попрошайки и талантливого певца. Он рассказывал свои истории так, что я мог слушать его до бесконечности, а после принимался нудно торговаться из-за каждой монеты.

– Надеюсь, ты не все ему отдал, – сказал Конан. – Потому что Дартин – лжец и трус. Я был с ним, когда он пытался добыть сокровища забытой богини. В песне он рассказывал о самом себе! Но только наврал с три телеги. Это он-то добыл сокровища? Это он-то стал служителем богини? Это он-то одолел страшного пустынного духа? Ха!

Конан посмеялся немного, а после прибавил:

– Все происходило иначе. Сокровище богини нашел я. И я не знал о том, кому оно принадлежало, пока не встретил саму богиню. А когда это произошло, я вернул ей драгоценный камень, и она просто ушла. Она даже не поблагодарила меня. Повернулась и отправилась восвояси.

– Ты видел богиню? – прошептал Дуглас. Глаза юноши загорелись.

Конан кивнул.

– Какой она была? – с жадным любопытством спросил юный граф.

Его отец, видимо, хотел задать тот же самый вопрос.

Конан ответил:

– Она была похожа на самую обычную девочку. Даже не слишком хорошенькую. Это древняя богиня, воплощение капризов судьбы. Кром! Она и сама была горазда капризничать. Ее звали Зират-ат-Дин. Она умела заглядывать в прошлое человека – и будь я проклят, если она не умела заставлять людей подчиняться себе!

– Ты обещал рассказать про пустынного духа, – напомнил

Гэлант. Он облизывал губы, словно предвкушая новое лакомство.

– Я могу даже показать тебе этого духа, – сообщил Конан. – Все время он находился рядом с нами.

– Кода? – недоверчиво переспросил Гэлант. – Но этого не может быть!

– Почему? – удивился Конан. – Он ведь с самого начала открыл тебе свою тайну. Он – пустынный гном. Порождение сухой и смертоносной пустыни.

– Пустынный гном? – переспросил граф Мак-Гроган. – У нас, в замке?

– Именно. – Конан кивнул. – Однако он никогда не умел превращаться в гигантский смерч и уж тем более не возглавлял дикие полчища воинственных кочевников. Просто гном. Насморочный, кстати. Здесь у него постоянные простуды.

– Я хотел бы повидать его, – горячо сказал Дуглас.

– Повидаешь. Он повсюду таскается теперь за мной, – объяснил Конан. – Характер у него ворчливый. Любит лягушек. В смысле – жареных. Если ты принесешь ему парочку, он расскажет тебе кучу потрясающих историй, и все они будут непревзойденным враньем…

* * *

Сам того не зная, Конан затронул весьма чувствительную струну в душе юного Дугласа. Молодой граф ничего так не хотел, как отправиться в странствия и своими глазами увидеть чудеса мира, испытать опасности, приобрести опыт, которого он был лишен, пока сидел в отцовском замке, окруженный заботой слуг и любовью отца.

Мать Дугласа давно умерла. О ее смерти почти ничего не говорили – ни слуги, ни граф Мак-Гроган, так что юноше приходилось довольствоваться лишь воспоминаниями старой кухарки о ее доброте да исключительной красоты портретом, что висел в большом пиршественном зале, прямо над столом.

Дуглас постарался сблизиться с Конаном и в тот же день послал слугу в покои, отведенные киммерийцу, с приглашением разделить с ним вечернюю прогулку по стенам замка. Конан прихватил с собой Коду, и вдвоем они вышли к каменной лестнице, которая позволяла подняться на стену.

Замок Мак-Гроганов был обнесен не одной стеной, а целым лабиринтом, опоясывающим скалу, на вершине которой и

высилась древняя графская твердыня. Конан сразу оценил эти укрепления, еще в те минуты, когда приближался к замку. Но теперь Дуглас собирался показать их киммерийцу во всей полноте.

– Я рад, что ты нашел время для прогулки со мной, – отрывисто приветствовал Конана графский сын.

Конан улыбнулся ему, блеснув в полумраке белыми зубами.

– Почему бы и нет? Здесь все равно заняться нечем, а этот замок возбуждает мое любопытство…

– Лично мое – нет, – подал голос Кода из-за спины своего приятеля.

Конан взял его за плечо и вытащил вперед.

– Ты хотел увидеть пустынного гнома, граф Дуглас, – заговорил киммериец, чуть понизив голос. – Обычно я выдаю его за простого карлика, так проще – люди шарахаются, когда встречают духа.

– Не такой уж я и дух, – проворчал Кода. – Не больше, чем сам киммериец. Что у людей за способ выражаться! Сами бы подумали, прежде чем изрыгать подобные глупости: «дух земли»! Ну какой у земли может быть «дух»? Разве что пузыри, что вздуваются в болотах, но лично я против подобного сравнения, ибо эти пузыри дурно пахнут!

– Ты сам дурно пахнешь, – сказал Конан.

– Только когда сержусь, – Кода поднял вверх палец и устремил на человека гневный взор. – Только в этих случаях. Любезный граф Дуглас, я счастлив познакомиться… и прогуляться по крепости… Вообще-то я очень грозный демон, но в здешнем климате совершенно немыслимо… ап-чхи!

Дуглас, не веря собственным глазам, протянул руку и снял капюшон с головы Коды. Он уставился на оттопыренные большие уши, на лохматую мордочку и огромные чуть раскосо посаженные коричневые глаза гнома.

– Не может быть! – прошептал Дуглас.

– Почему же? – Конан усмехнулся. – Вот такой он. Тот самый. Который, по словам некоего Дартина, превращался в смертоносный смерч и крушил врагов…

– Я, кстати, могу сокрушить! – сообщил Кода хрипло. – Пусть не расслабляются!

– Я горжусь нашим знакомством, Кода, – искренне произнес Дуглас. – Для меня великая честь принимать у себя настоящего пустынного гнома.

Конан фыркнул, однако от замечаний воздержался.

Устройство замка Мак-Гроганов всецело увлекло киммерийца. Лабиринт стен представлял собой множество

хитроумных ловушек для врагов, буде те когда-либо сумеют прорвать первую линию обороны. Те, кого не остановят потоки горячей смолы, изливаемой с крыш, окажутся в темных проходах между двумя стенами. При этом изучить план лабиринта невозможно: стены снабжены воротами, которые могут быть заложены или отворены по желанию осажденных. Таким образом, вчерашний план лабиринта устаревает по сравнению с сегодняшним. Одни ворота замуровываются, другие открываются. Спустя день открываются уже новые двери, а прежние оказываются запертыми. Это позволяет осажденным совершать вылазки, не боясь, что враг воспользуется уже известными ходами и предпримет ответное наступление.

– Превосходно! – заключил Конан, когда прогулка завершилась. – Скажи мне только одно, граф Дуглас: для чего все это великолепие, если твой отец не ведет никаких войн – да и вообще в Аквилонии царит относительное спокойствие?

– Но здесь не всегда было так спокойно, – удивился вопросу Дуглас. – И не всегда будет, надо полагать. Затишья всегда сменяются бурями.

– Подданные любят твоего отца, – продолжал Конан.

– Мой отец говорит, что любовь подчиненных – наилучшие стены, какие только могут оградить властителя, – подтвердил юноша.

– Ты разделяешь его мнение?

– Целиком и полностью.

– Ты прав… Да, я восхищен и поражен вашим замком, – киммериец задумчиво оглядывался по сторонам, как бы стараясь запомнить все увиденное. – Надеюсь, когда-нибудь я сюда вернусь – как друг, разумеется, потому что врагам здесь делать нечего.

– Ты собираешься уходить? – встревожился Дуглас.

Конан пожал плечами.

– Насколько я понимаю, моя служба у Гэланта закончена. Он расплатился со мной сполна и теперь намерен остаться в гостях у твоего отца на некоторое время. Ему требуется записать песни и составить новые стихи, а кроме того – переработать обе версии о грозном пустынном духе: ту, что поведал ему Дартин, и ту, что рассказал ему я…

– Кстати, я тоже кое-что сообщил нашему другу сказителю, – вставил Кода своим сиплым голосом.

Оба молодых мужчины повернулись в сторону пустынного духа. Кода во время прогулки помалкивал, как будто его и не было, и в беседах участия не принимал, а теперь вдруг решил заговорить.

– Ты тоже? – переспросил Конан. – А тебе-то зачем было

вмешиваться?

– Я участник событий, – заявил Кода. – Ну и кроме того, у моего народа имелось множество собственных преданий. Я не хочу, чтобы они исчезли после того, как я… – Он громко шмыгнул носом. – Ну, когда меня не будет… чтобы все наши легенды, песни и предания сгинули в одной могиле со мной…

– Разве ты умираешь? – удивился Конан. Кода шумно высморкался.

– Между прочим, я болен! – заметил он сердито.

– Боюсь, твоя болезнь не смертельна, – бессердечно сказал киммериец.

– Боишься? Боишься? – От негодования Кода подпрыгивал при каждом слове. – Ну что ж. Я всегда знал, каково твое истинное отношение…

Дуглас взял его за плечо и остановил гневную тираду.

– Конан всего лишь шутит. Он решил подразнить тебя, Кода. Вряд ли его отношение к тебе такое уж скверное…

– Не надо меня утешать! – Кода вывернулся из-под руки Дугласа и, заливаясь слезами, бросился бежать.

Дуглас проводил его взглядом.

– Напрасно ты так обращаешься с ним, – заговорил он с Конаном чуть укоризненно. – Он одинок.

– Он совершенно не одинок, – огрызнулся Конан. – Здешние стряпухи и служанки носятся с ним, как с куклой. Ты просто не видел. Они расчесывают его шерстку, готовят для него отдельные лакомства, даже ловят ему лягушек, между прочим… Одна сшила ему новый плащ, другая отдала ему сапожки, из которых вырос ее сынишка. У него теперь есть особенная щеточка для причесывания волос на мордочке и специальная бархотка для протирания ушей.

Дуглас засмеялся.

– В таком случае, он, вероятно, захочет остаться в замке.

– Если ты не будешь против.

– Я? О таких вещах следует спрашивать моего отца… – Дуглас на миг омрачился, а затем его лицо приобрело решительное выражение. Он приблизился к Конану и заговорил очень тихо и очень твердо: – Конан, я хотел просить тебя об одной вещи. Будь моим спутником, когда я покину замок.

– Ты хочешь уйти? – киммериец, казалось, не верил собственным ушам.

– Тише! Да, я давно уже мечтаю об этом. Но я слишком мало знаю об окружающем мире – я не так глуп и понимаю, что опасно пускаться в путь без опытного товарища. Мне хочется повидать те края, о которых рассказывает Гэлант. Я не могу усидеть на месте.

Меня гложет беспокойство!

– Гэлант, вероятнее всего, не участвовал ни в каких особенных приключениях, – предупредил Дугласа Конан, – Все, что он рассказывает, он услышал от разных вралей, которых подбирал на рыночных площадях или в тавернах, где те готовы были набрехать с три короба за приличное угощение. Изредка ему доводилось встречать настоящих сказителей, готовых поделиться с ним своими сокровищами, но чаще всего он довольствуется сплетнями и болтовней. Лишь его певческий дар преобразует пустословие глупцов в истинные песни. Не обольщайся, Дуглас. В мире за стенами твоего удивительного замка не так уж много вещей, достойных внимания истинно благородного человека.

– И все же я хотел бы убедиться в этом на собственном опыте, – повторил Дуглас. – Умоляю тебя, помоги мне!

– Ладно, – кивнул Конан. – Судя по всему, ты в любом случае улетишь из-под отцовского крыла – так лучше бы тебе сделать это под приглядом… Я уйду вместе с тобой.

– Завтра, – сказал Дуглас.

Конан еще раз взглянул в полные решимости глаза молодого графа.

– Согласен, – произнес киммериец. – Завтра.

* * *

– Мне он сразу не понравился, этот твой Конан! – бушевал граф Мак-Гроган.

Гэлант сидел перед ним, выпрямившись в кресле, и молча слушал излияния графа.

– Кто он такой? Ты ведь даже не знаешь его настоящего имени! – продолжал Мак-Гроган.

– Я думаю, что Конан – настоящее его имя, – спокойно отозвался Гэлант.

Мак-Гроган, бегавший по залу, остановился и резко повернулся на голос,

– А? Ты уверен?

– Какая разница… Да, я уверен, Полагаю, он гордится своим именем и происхождением. Во всяком случае, он сразу назвался Конаном из Киммерии и ни разу не дал мне повода заподозрить себя в обмане.

– У меня, возможно, есть враги… Тайные враги, о которых я даже не подозревал, пока благодушествовал в замке, – продолжал граф. Он запустил обе руки себе в волосы и сильно дернул, а затем застонал от душевной муки. – Мой сын, мой сын! Они нанесли мне удар через моего сына! Я ездил на охоту, слушал песни, любовался произведениями искусства – и все это время некто невидимый ковал козни против меня! Они подослали ко мне этого Конана, чтобы он похитил…

– Остановись! – закричал Гэлант. – Остановись, иначе ты горько пожалеешь потом о словах, сказанных в запальчивости!

Мак-Гроган уселся и несколько минут молчал, угрюмо глядя себе под ноги. Затем он позвонил в колокольчик. Вошел слуга, такой же мрачный, как и его господин.

– Приведи сюда этого Коду, – велел граф. Слуга поклонился и быстро направился к выходу. Гэлант встревожился не на шутку.

– Что ты намерен делать?

– То, что сделал бы на моем месте любой здравомыслящий отец, – отозвался граф. – Я хочу допросить того, кто остался у меня в замке, Я намерен рассматривать его как заложника, как пленного! Пусть он расскажет мне о замыслах своего господина. Думаю, мы услышим немало интересного…

– Возможно… – Гэлант вдруг почувствовал, что постепенно проникается уверенностью графа Мак-Грогана в том, что Дугласа похитили некие таинственные враги. – Возможно, ты прав. Самое

главное – выяснить, кто твои недоброжелатели. Если они наняли Конана, чтобы втереться к тебе в доверие и подобраться к твоему сыну, то приятель нашего киммерийца должен об этом знать.

Кода был доставлен и явлен пред гневные очи графа. Пустынного гнома только что вытащили из постели – совсем недавно он крепко спал: глаза его глядели сонно и мутно, шерстка слиплась – ее еще не расчесывали. В пустыне в подобном уходе за шерстью не было никакой надобности, сухой климат и песок сами очищали волосы на мордочке и на всем теле Коды. Но в Аквилонии, где был гораздо более сырой климат, шерсть то и дело сваливалась, так что без особых гребней и щеток она приобретала весьма плачевный вид.

Кода моргал и очевидно ничего не понимал в происходящем.

Граф наклонился к нему:

– Где твой приятель киммериец?

– Какой приятель? – Кода заморгал. – Конан? Вероятно, где-то в замке…

– Он ушел! – заревел граф. – Он похитил моего сына и скрылся!

– Не может быть! – взвизгнул Кода, мгновенно пробудившись от состояния блаженной полудремы. – Он бросил меня одного в руках врагов? Как он мог?

И Кода оглушительно зарыдал.

Граф, несколько растерянный таким бурным проявлением чувств со стороны гнома, замолчал. Но затем новые подозрения охватили его, он нахмурил брови и прикусил губу. Гэлант с тревогой наблюдал за ним. Таким он графа Мак-Грогана никогда еще не видел.

Сказитель не без оснований опасался того, что граф, ничего не добившись от Коды, перенесет основную тяжесть своих обвинений на самого Странника. Ведь это Гэлант Странник и никто другой привел в замок Конана! А вдруг они все состоят в заговоре?…

Кода заговорил, задыхаясь и всхлипывая:

– Они сговаривались между собой… Твой сын и мой Конан. Мол, уйдем из замка, повидаем мир.

– Киммериец подбивал моего мальчика скрыться от отца? Говори! – Граф схватил Коду за плечи принялся трясти. Уши Коды мотались.

– Отпусти его! – вмешался Гэлант. – Он не вымолвит ни слова, пока ты его мучаешь.

– Да я прикажу пытать его, чтобы развязать ему язык! – рявкнул граф, однако Коду отпустил.

Обиженно потирая плечи, гном проворчал:

– Не нужно кричать и набрасываться. Я и так скажу. Это твой сын. Все он! Это он подговорил моего Конана, ясно тебе? – Кода перешел в атаку. Он подскакивал, размахивал кулачками и гневно тряс ушами. – Твой Дуглас. Он якобы мечтал уйти. Весь мир повидать! Тьфу! Было бы на что смотреть! Я, говорит, тут скучаю. Замок ему не нравится. Стены, лабиринты, скалы, верноподданные кругом – тоска. Охота на оленей, красивые гобелены – скука смертная. Думаешь, это я так считаю? Это твой сын так считает!

– Мой сын не мог произнести все эти ужасные слова! – Мак-Гроган медленно качал головой, не веря услышанному. Он был смертельно бледен, в его глазах дрожали слезы. – Нет, он находился под властью чьих-то чар… – Граф поднял голову и устремил на Коду пронзительный взор. – Это твое колдовство, не так ли?

– Я вообще не умею насылать чары, – возмутился Кода. – За кого ты меня принимаешь? За пошлого колдуна? Я только и умею, что читать мысли… Но обычно этого не делаю. Потому что мне не нравятся мысли людей. У вас отвратительные мысли!

– И о чем я думаю? – криво улыбнулся граф.

– О разной ерунде, – Кода махнул лапкой. – О том, что Гэлант привел к тебе киммерийца – возможно, с какой-то тайной целью. О том, что Конан наверняка действовал заодно с твоими врагами, О том, что твои враги… Ого! – Кода с любопытством уставился на графа. – Ты ведь знаешь своих врагов, Мак-Гроган… Это они убили твою жену, мать Дугласа!

– Молчи! – вскрикнул граф. – Вижу, ты действительно умеешь заглядывать в самые тайные уголки моих мыслей. Опасное умение. Пожалуй, я прикажу пытать тебя, чтобы ты рассказал мне побольше о моих врагах…

– Нет! – заверещал Кода. – Ну что вы за существа, люди! Чуть что – сразу пытать!… Да я тебе и так все расскажу. Все без утайки. В подробностях и с разговорами. Кто что сказал, кто куда посмотрел, кто в какое место запустил лапу… Ты знаешь, например, что твой дворецкий ворует на кухне сладости?

Дворецкий? – Граф сдвинул брови. – При чем тут дворецкий?

– Это я так, к слову… Он сладкоежка. Вот тебе тайна, которую следовало бы раскрыть. Возможно, если твои враги посулят ему несколько пудов липких сладостей из Хоршемиша, он откроет им ворота замка и впустит их сюда с кинжалами и отравленным вином…

– О чем он болтает? – Граф перевел взгляд на Гэланта. – Ты понимаешь хоть слово?

– Я думаю, – медленно произнес Гэлант, – что тебе следует

рассказать мне все о смерти твоей жены. Я никогда не спрашивал тебя об Азалии, боясь причинить тебе лишнюю боль, но сейчас, полагаю, время пришло…

* * *

Азалия была очаровательной девушкой – с длинными черными волосами и блестящими темными глазами. Она выросла в семье простых крестьян, но никогда не проявляла склонности к работе на земле. Родители баловали красавицу-дочь и никогда не заставляли ее заниматься неприятными делами. Она не пачкала руки, не гнула спину – только и забот у нее было, что радовать отца и мать.

Родители и дочь не имели между собой ни малейшего сходства. Поначалу это не бросалось в глаза, но когда девочке исполнилось четырнадцать, различие между теми, кто ее воспитал, и ею самой сделалось просто вопиющим. Низкорослые рыжеволосые крестьяне с грубыми ручищами явно не могли быть родными отцом и матерью этой красавицы с матовой бледной кожей.

Заговорили о том, что Азалия была подброшена к бедной хижине бездетных супругов. Те больше не могли отрицать правды; однако на отношениях, которые сложились между воспитателями и девушкой это никак не отразилось. Азалия продолжала величать их «матушкой» и «батюшкой», а те просто не чаяли в ней души.

Граф Мак-Гроган заметил эту девушку в лесу, где она бродила, напевая себе под нос. Одежда на ней была самая простая, чиненая во многих местах, но красота девушки пленила графа. Он окликнул ее, и завязался разговор.

На следующий день граф посетил хижину ее родителей. Бедные крестьяне низко кланялись господину и предлагали ему любое угощение, какое только могли найти у себя в погребах, но граф лишь выпил немного молока и попросил обоих сесть и поговорить с ним спокойно.

Женщина попросила дозволения уйти, а ее муж остался с графом. Он не решался сесть в присутствии своего господина, однако тот настоял, и оба устроились на бревне во дворе, среди домашней птицы, гуляющей между грядками.

Картина эта могла бы вызвать умиление у стороннего наблюдателя – да только никто не осмеливался подсматривать за

господином графом. Уж коли нашлись у него причины так себя вести, стало быть, простому люду следует держаться скромненько, в сторонке.

Граф спросил:

– Откуда в вашем доме эта девочка?

– Господин уж наверное догадался, – отозвался крестьянин, – что Азалия нам не родная дочь, хотя боги нам свидетели – мы растили ее, как умели, и ни в чем ей не отказывали! Не знаю, кто принес ее к нашему порогу. Собственных деточек у нас не рождалось. Я бы, конечно, хотел сына – помощника, а боги прислали нам дочку… Пользы от нее, сами понимаете, господин, никакой, но она доставляет нам радость, а это важнее всякой пользы. Она появилась у нашего дома ночью. Моя жена говорит, будто разразилась в тот день гроза, а я не припоминаю – давно это было! Младенец лежал в корзине, завернутый в одеяло.

– Вы сохранили корзину и одеяло? – быстро спросил граф.

Крестьянин развел руками.

– В них ничего особенного не было. Думаю, тот, кто доставил ребенка, позаботился о том, чтобы не оказалось никаких знаков, по которым можно было бы девочку опознать. Ни медальона, ни особых вышивок. На ней даже одежды не было. Только одеяло, перетянутое веревкой, и все. Вещи куплены на рынке в ближайшем городке, там таких полным-полно… Уж поверьте, господин, мы ли не искали примет!

Граф чуть опустил голову.

– Это и неважно, – молвил он спустя короткое время. – Расскажи мне еще об Азалии. Кто назвал ее так?

– Моя жена. Она сразу подумала, что девочка не из простых, вот и решила дать ей необычное имя. Чтобы не кликали нашу красавицу так, как кличут обычных деревенских девчонок.

– Почему твоя жена решила, будто девочка не из простых?

– Была бы из простых, ее бы не стали подбрасывать, – ответил крестьянин совершенно бесхитростно. – У нас все иначе, чем у господ. Если ребенок не нужен, найдут способ избавиться – утопят или закопают, а соседям скажут, будто младенчик помер. Никто ведь не удивится, если у крестьянки младенец помрет! Знатные – другое дело. Вы, люди древнего происхождения, свою кровь цените и бережете, вы не станете закапывать ее в землю. Нет, если ребенок не нужен знатной госпоже, она постарается сделать так, чтобы он все-таки сохранился и вырос…

– Ты умен, как я погляжу, и рассуждаешь достойно, – проговорил граф. – Я дам тебе в награду кошелек с золотыми монетами. Купи себе всего, что пожелаешь, и обнови крышу на доме, а своей жене непременно подбери хорошей одежды. Она

заслужила этого.

Крестьянин улыбнулся.

– Мне ли не знать, на каком сокровище я женат!

– Что касается вашей приемной дочери, то я хочу забрать ее в мой замок, – продолжал граф. – Отныне я буду заботиться о ее воспитании. Кто знает, может быть, я сумею подобрать для нее достойного мужа.

Крестьянин сделался белее снега.

– Вы желаете отобрать у нас Азалию? – пролепетал он.

– Что тут такого? – граф выглядел удивленным. – Разве ты не знал, что рано или поздно нечто подобное произойдет?

– Я надеялся… – крестьянин опустил голову. – Я молился всем богам, чтобы этого все-таки не случилось…

– Не хочешь ведь ты, чтобы Азалия стала женой какого-нибудь неотесанного крестьянского парня?

– Нет…

– Или ты собирался оставить ее незамужней? Ты подумал о том, что рано или поздно вы с женой умрете? Что тогда будет делать Азалия? Я видел ее руки – она не приучена к тяжелому труду… Чем она займется, оставшись одна?

– Ох, господин, вы разрываете мое сердце!

– Я прослежу за тем, чтобы вы с женой ни в чем не нуждались, – продолжал граф. – Видеться с Азалией вам будет запрещено. Хорошее дело – если она выйдет замуж за знатного человека, и вдруг он услышит, как его супруга называет отцом и матерью простых крестьян!

– Я понимаю. – Приемный отец Азалии встал и поцеловал руку своего господина. – Вы правы во всем, а мы с женой желаем Азалии только счастья.

– Как и я, – добавил граф, улыбаясь.

Он сдержал слово и обеспечил добрых крестьян всем, так что они пи в чем не нуждались. Азалия же ничуть не удивилась, когда ей сообщили, что отныне она переселяется в графский замок. Она как будто ждала этого. Девушка сердечно расцеловала людей, воспитавших ее, и ушла не оглядываясь легкой походкой, беспечная и счастливая, так что у ее приемных родителей слезы потекли из глаз: они-то знали, что больше не увидят свою красавицу-дочь!

Граф женился на Азалии, когда той исполнилось пятнадцать. Она очаровательно пела и грациозно танцевала. К рукоделиям она выказывала полное равнодушие, книг не читала, но любила слушать сказителей и певцов, так что в замке их водилось множество. Гэлант тогда еще не был другом графа Мак-Грогана и потому не знал Азалию при жизни.

Когда родился Дуглас, радости графа не было предела. Он взял в деревне лучшую кормилицу, окружил младенца заботами, а к супруге стал относиться так, словно она – какая-нибудь небожительница, так крепко он ее любил и так благоговейно почитал.

Но она неожиданно начала дурнеть и скучать. Ее красота увядала с каждым днем. Граф начал бояться входить в комнату к Азалии, потому что когда бы это ни случилось, он замечал все новые и новые признаки увядания.

Мак-Гроган терялся в догадках. Как такое могло случиться?

Ведь Азалии не исполнилось еще и шестнадцати лет! Он знал, конечно, что женская красота эфемерна, что она исчезает очень рано, но надеялся не увидеть, как такое происходит с его возлюбленной женой. В конце концов, Азалия намного младше своего мужа! И он не обременяет ее никакими заботами, следит за тем, чтобы ей было весело, чтобы все ее прихоти исполнялись…

Почему же она чахнет прямо на глазах? Спросить ее об этом граф не решался – он боялся обидеть супругу.

Кроме того, он тайно распорядился прятать зеркала, чтобы Азалия не заметила происходящей с ней перемены.

Время от времени в замке – как бы между прочим – появлялись целители. Их задачей было осматривать младенца или лечить графа от какой-нибудь несуществующей хвори, однако настоящая цель их прибытия была, естественно, молодая графиня.

Все целители, как один, разводили руками – они ничего не понимали. Подобный случай встречался им впервые.

Но Азалия и без всяких зеркал знала о том, что с нею происходит, и простодушные ухищрения целителей не ускользали от ее внимания. Однажды она заговорила с мужем сама.

– Господин мой, – начала Азалия, – хоть я и не вижу больше моего отражения в полированных зеркалах, мое лицо неизменно отражается в ваших зрачках. Мои черты стали грубыми, щеки обвисли. Я гляжу на свои руки и не узнаю их. Даже у моей матушки никогда не было таких толстых, уродливых пальцев, хотя она всю жизнь только и знала, что работала с мотыгой да лопатой, ходила за скотиной и помогала мужу пахать землю.

Это был первый раз, когда Азалия показала мужу, что помнит своих приемных родителей. Она упомянула о них так естественно и с такой любовью, что у графа сжалось сердце.

– Если ты хочешь, любимая, мы можем навестить их, – предложил он. – Признаюсь, мое требование – чтобы ты никогда больше не виделась с ними – было слишком жестоким. Я чересчур

много думал о своей чести и почти не задумывался о том, что собственная честь имеется и у простолюдинов…

Граф был растроган. Он тотчас велел седлать лошадей и готовить платье для госпожи графини. Они выехали из замка и вскоре уже были в деревне.

Но приемных родителей Азалии там не оказалось. Хижина, где выросла девушка, стояла наполовину развалившаяся – никто не решился запять ее или хотя бы позаимствовать оттуда какие-либо вещи. Все, конечно, знали, кому теперь родня эти простолюдины, и не посмели бы переступить порог их дома, даже брошенного. Соседи рассказывали, будто, получив от графского управляющего большие деньги, оба супруга оставили свое прежнее жилье и отправились в другие края.

– Но где мне искать их? – спрашивал граф то одного, то другого крестьянина.

Все дружно качали головами. Никому не было известно о намерениях родителей Азалии. Да и для чего было выяснять подобные вещи? Господин граф ведь четко высказал свое пожелание – более двух лет назад: госпожа графиня не должна видеться с людьми, которые заменили ей родителей.

– Я горько сожалею о том, что сделал, – признался граф.

Крестьяне вполне сочувствовали ему, но это ничуть не помогало делу.

Тогда Азалия тихо обратилась к мужу.

– Господин мой, позвольте мне продолжить поиски – а сами возвращайтесь домой, – попросила она.

Граф – сам не зная как – дал согласие…

* * *

– Больше я не видел ее, – заключил он.

– Это все? – удивился Гэлант Странник. Мак-Гроган пожал плечами.

– Боюсь, что так. Разумеется, когда она не вернулась – ни через день, ни через месяц, – я отправил большой отряд на поиски. Мои люди рыскали повсюду, расспрашивали всех прохожих, странников, купцов, попрошаек и крестьян, обваривали каждую лачугу из тех, что иногда встречаются в безлюдных местах. Им было велено подбирать любую вещицу, которая. хоть как-то могла бы указывать на пропавшую графиню. Увы, поиски ни к чему не привели.

Тогда я выехал сам. Мне казалось, что любящее сердце приведет меня к Азалии. Я отсутствовал больше года – она исчезла. Не нашел я и тех людей, что вырастили мою жену. И тогда я смирился.

Я больше не женился. Мне казалось это слишком жестоким. Если бы, к примеру, я позволил себе привязаться к какой-нибудь женщине, ввел бы ее в свой дом, на свое ложе… Она бы родила мне новых детей… И тут – я не оставлял надежды никогда, за все эти годы, – внезапно вернулась бы моя Азалия! Что бы она сказала, если бы увидела, что я не ждал ее, что ее место занято?

– По-моему, ты слишком много значения придаешь той давней истории, друг мой, – сказал Гэлант. – Азалия сама оставила тебя. Если бы она вернулась, как ты говоришь, и увидела, что ее место занято, она поняла бы тебя. В конце концов, она исчезла почти двадцать лет назад! Ты вправе был счесть ее умершей…

– А как быть с новой женой? – горько произнес граф. – Я ведь думал и о ее чувствах. Каково было бы ей узнать, что все эти годы ее супруг втайне не переставал любить женщину, которая давно оставила его? И вдруг встретить соперницу лицом к лицу – и быть побежденной ею!

– В твоей власти было бы не позволить Азалии «победить», как ты выражаешься, – Гэлант вздохнул. – Впрочем, что говорить о том, чего не случилось! Теперь я лучше понимаю тебя. Понимаю твое нежелание устраивать в замке пышные приемы, твое стремление жить уединенно, довольствуясь простыми развлечениями, которые здесь возможны, – вроде охоты или беседы со старым приятелем… Надо сказать, что ты никогда не производил впечатления человека, сломленного тайным горем.

– У меня есть тайна и есть печаль, – кивнул граф, – но горя нет, потому что в глубине души я убежден в том, что Азалия до сих пор жива. Я не переставал ждать ее…

– Но какое отношение все это имеет к исчезновению твоего сына?

Гэлант вернулся к болезненной теме.

Мак-Гроган встал и стремительно зашагал по комнате. Его волосы резко взлетали надо лбом, когда он встряхивал головой.

– Мой сын! Неужто ты не понял, сказитель? Я рассказал тебе о его матери почти все, что знал сам! Дуглас – не только мое дитя, в его жилах течет кровь Азалии… Кто знает, какова эта кровь на самом деле? Она была не из простых, в этом сходились решительно все. Да и кто бы мог подумать иначе, увидев ее изысканную красоту… пока эта красота не начала увядать. Но и умирающая красота моей жены сохраняла странную

изысканность, какая иногда встречается у мертвых цветков, сорванных осенним ветром.

Ты опасаешься, что Дуглас унаследовал от матери это свойство? – осведомился сказитель. – Быть может, юноша заметил первые признаки угасания своей красоты? Граф с покаянным видом кивнул.

– Я должен был обращать на него больше внимания. А я был занят охотой, развлечениями…

– Да еще и я приехал, мой друг, – подхватил сказитель. – Не упрекай себя. Я внимательно рассмотрел Дугласа в первые же часы нашего появления в замке. Он красив и свеж – и никаких примет скорого увядания. Поверь мне, сейчас я говорю тебе чистую правду. Как, впрочем, и всегда.

Граф стиснул пальцы и хрустнул ими.

– Итак, остается лишь одно наиболее вероятное предположение: к исчезновению моего мальчика имеют отношение какие-то тайные враги. Быть может, те самые, что некогда похитили Азалию.

– Ты уверен в том, что Азалия была похищена?

– Но ведь она исчезла!

– Не исключено, что она исчезла добровольно.

– Зная, как я люблю ее? Как я страдаю без нее? Немыслимо!

– Милый мой друг, – медленно проговорил сказитель. Он замолчал, собираясь с духом, ибо намеревался высказать исключительно странную мысль. – А ты уверен в том, что Азалия была целиком и полностью человеком?

Мак-Гроган удивленно уставился на Гэланта.

– Кем же, по-твоему, она могла быть? Гарпией или русалкой? Я видел ее полностью обнаженной, я проводил с ней дни и ночи – неужто ты думаешь, я не заметил бы признаков нечеловеческой природы?

Гэлант промолчал. И снова вернулся к исчезновению Дугласа.

– В любом случае, ты должен радоваться тому, что с твоим сыном отправился Конан. Кем бы ни оказалась в конце концов твоя жена, какая бы кровь ни текла в жилах Дугласа – Конан из Киммерии способен одолеть любое чудовище. Я совершенно в этом убежден.

* * *

Конан и молодой граф ехали по долине, которая постепенно

расширялась и превращалась в плодородную равнину. Крестьянские работы на этих землях уже начались, повсюду путников встречали мирные картины. Люди в деревнях не знали, кто этот молодой всадник в богатой одежде и кто его рослый спутник с внимательным взглядом и беспечной улыбкой; однако повсюду путешественники встречали хороший прием.

Они ночевали в придорожных тавернах и пили там густое пиво, а отменный обед обходился им в сущие гроши. Конан не упускал при этом случая провести время с какой-нибудь местной красавицей.

Дуглас не без зависти смотрел, как липнут к киммерийцу девушки, в то время как к нему самому они неизменно относились весьма сдержано.

Конан во всем полагался на свое чутье: коль скоро варварские инстинкты его молчали, не предупреждая об опасности, киммериец не считал для себя зазорным развлекаться и пить повею. Он не скучал по обществу Пустынного Коды. Маленькая нечисть со своими вечными причитаниями и нытьем изрядно его утомила, и теперь Конан наслаждался свободой: впервые за минувший год он получил возможность заботиться только о самом себе.

Разумеется, у него имеется спутник, молодой граф Дуглас. Но Дуглас – такой же человек, как и сам Конан, к тому же из местной знати. Уж как-нибудь этот юноша сообразит, что ему делать в таверне, где полно выпивки, хорошо прожаренного мяса и сговорчивых красоток.

Так рассуждал Конан, отправляясь спать на сеновал вместе с пухленькой аквилонской девушкой. Под мышкой у киммерийца удобно устроился кувшин с пивом и огромный каравай хлеба.

Он не удосужился спросить имя своей подруги, да и та не слишком интересовалась личностью нового приятеля. Не успел Конан распустить завязки на блузе девушки, как до его слуха донесся пронзительный женский вопль. Конан замер, прислушиваясь.

– Что это? – шепнула девушка. Она явно была испугана.

– Понятия не имею. – Конан пожал плечами и вновь занялся завязками. – Кто стягивал твои шнуры? – недовольно осведомился он.

– Моя мать.

– Вероятно, твоя мать – бывалый моряк, если она так ловко вертит морские узлы, – пошутил киммериец.

Женский крик повторился. Конан опустил руки.

– И часто у вас так? – спросил он у девушки. Она была бледна и очевидно перепугана до смерти.

– Поверь мне, я никогда прежде не слышала, чтобы так кричали…

И впрямь, что-то нечеловеческое звучало в вопле женщины. Конан глубоко вздохнул.

– Нигде покоя нет, даже в Аквилонии, где уже несколько лет не ведутся войны… Пойду взгляну – кто это там надрывается. Сиди здесь и жди меня. Я скоро вернусь и мы продолжим наше увлекательное занятие. Можешь пока выпить и закусить. Хлеб в этой таверне пекут отменный.

И киммериец легко спрыгнул с сеновала. Девушка видела, как он бежит по двору, передвигаясь легко и беззвучно, точно дикая кошка. Она покачала головой и потянулась за кувшином.

Конан сразу поправился ей – как понравился он и дюжине других местных девиц. Он почти не болтал, много ел и пил и время от времени поглядывал на девушек лукавыми синими глазами. Женщины угадывали в Конане главное для себя: с любой случайной подругой киммериец неизменно был ласков. Да с таким всякая пойдет!

Другое дело – тот задумчивый юноша, что явился вместе с киммерийцем. И собою хорош, и щедр, и вроде как знатного происхождения, судя по манерам, а что-то в нем таилось неприятное. И девушки старались не встречаться с ним глазами, чтобы Дуглас не принял мимолетный взгляд за приглашение познакомиться.

Та женщина больше не кричала. Воцарилась тишина. Луна медленно плыла в темном небе, ярко освещая двор, хозяйственные постройки, крышу таверны. Дымок, сочащийся из трубы, был полон серебристого лунного света.

Когда Конан добрался до конюшен, откуда, как ему показалось, и доносился крик, его взору предстала странная картина. Лошади храпели и жались к перегородкам стойла. С ноздрей их капала пена, глаза бешено вращались в орбитах.

Пробираясь среди лошадей, Конан гладил их по мордам, бормотал им слова утешения. Киммериец умел обходиться с животными – они часто понимали его и слушались почти без понуканий. Но сейчас Конану пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить их. Ему требовалось пройти среди растревоженных коней, чтобы добраться до того, что он успел разглядеть от самого входа в конюшню: посреди помещения на груде старой соломы лежало человеческое тело.

Конан почти не сомневался в том, что сейчас увидит тело юного Дугласа. Сердце киммерийца сжималось от дурных предчувствий. Как он мог не уловить странностей, сопровождающих молодого графа на пути! Дуглас жаловался ему

на свои любовные неудачи, однако Конан счел все эти разговоры обычным мальчишеским нытьем. Подумаешь – женщины его не любят! Все приходит со временем, с опытом. Какой красотке охота возиться с неумелым юнцом, который даже не знает, как доставить женщине удовольствие? Не всякая предпочтет выбрать для себя роль «мамочки», большинству хочется получить от партнера наслаждение в обмен на те радости, что дарят любовные объятия.

Следовало быть более внимательным. Конан готов был проклясть себя за глупость.

Наконец он очутился возле тела и склонился над ним. И едва сдержал крик облегчения. Перед киммерийцем лежал не граф Дуглас – это была какая-то незнакомая женщина, не слишком молодая и прямо скажем не красивая. Конан наклонился и коснулся рукой ее шеи. Он ощутил влагу и когда поднес ладонь к глазам, увидел кровь. Женщина была мертва. Кто-то нанес ей глубокую рану в затылок.

– Кром! – прошептал Конан. – Здесь орудует какой-то демон…

Он быстро вышел наружу, оставив женщину лежать там, где она была. Незачем поднимать панику раньше времени. Сперва следует отыскать графа Дугласа. Вероятно, им нужно уезжать отсюда как можно скорее.

Копан побежал назад, на сеновал, чтобы предупредить свою подружку. Он снова пересек двор, стараясь держаться в тени, чтобы его не заметили случайные наблюдатели.

На сеновале было тихо. Конан огляделся по сторонам. Никого и ничего. Ни девушки, ни припасов. Киммериец несколько раз прошел взад и вперед, пока наконец под горой сена не наткнулся на тело – еще теплое.

Он вытащил труп наверх. Девушка была мертва и на ее шее сзади имелась точно такая же глубокая рана.

Конан до крови закусил губу. В чем провинилось перед богами это юное существо, готовое дарить любовь и радость мужчине? Он почти не знал ее, но понимал, какой простодушной и милой она была. Им предстояло провести отличную ночь, угощаясь между любовными ласками и засыпая на короткий срок, чтобы, проснувшись, вновь предаваться любви… И ничего этого никогда не случится. Девушка мертва.

Конан спустился вниз, в общий зал, откуда давно ушли все посетители. Дугласа там тоже не было. Вероятнее всего, он просто спит у себя в комнате. Один.

Конан нашел комнатушку, которую юный граф снял для себя. Тронул дверь – та оказалась не запертой. Заглянул внутрь. Дуглас

лежал на тюфяке и крепко спал. Лунный свет лежал на его лице, в углах рта затаились тени. Спящий юноша, похожий на мраморное надгробие, был исключительно красив.

Конан покачал головой. Странно, что он не пользуется симпатией женщин.

Внезапно одна мысль пришла киммерийцу в голову. Там, в конюшне, Конан почему-то не сомневался в том, что убили именно юного Дугласа. Почему? С чего он взял?

Почему он вообще связывал в своих мыслях ту женщину и Дугласа?

Ответ пришел в тот же миг. В комнате, где спал граф, стоял совершенно особенный запах – запах помадки, которой Дуглас смазывал свои светлые волосы, когда укладывал их волнами надо лбом и вокруг щек. И именно такой аромат задержался в конюшне – чуткое обоняние варвара уловило его даже сквозь резкий запах лошадиного пота.

Дуглас был в конюшне! Он находился поблизости, когда произошло несчастье. Вероятно, видел убийцу. Или – Конан не исключал такой возможности, – сам являлся этим убийцей.

Он еще раз посмотрел на лицо спящего и покачал головой. Убийца? Слишком уж безмятежно он спит. Человек не может просто так убить двух беззащитных женщин. И где та длинная игла, которую он вонзил им в затылок?

Как бы там ни было, а разбудить Дугласа следует. И Конан потряс его за плечо:

– Проснись! Дуглас, случилась беда, проснись!

Граф открыл глаза и улыбнулся, встретившись взглядом со своим телохранителем.

– Уже утро? Мы уезжаем?

– Еще ночь, Дуглас. В таверне убили двух женщин.

Дуглас рывком сел на тюфяке, потер лицо руками и глубоко вздохнул.

– Давно их убили? – спросил он.

Конан удивился этому вопросу. Добро бы он еще поинтересовался – кто эти женщины и почему киммериец разбудил своего спутника подобным известием… Но – «давно ли их убили»?

– Когда я нашел вторую жертву, она была еще теплой, – сказал Конан.

– Ты полагаешь, нам лучше уехать отсюда немедленно? – спросил Дуглас.

– Я полагаю, нам лучше не спать, когда кругом творятся такие дела. Может быть, и впрямь стоило бы уехать, да только тогда нас сочтут причастными к преступлению и устроят погоню,

– сказал киммериец. – Возьми оружие. Спустимся вниз и будем ждать развития событий.

Оба молодых человека взяли мечи и выбрались в общий зал. Там по-прежнему было тихо. Странно, что никто не услышал криков первой жертвы, подумал Конан. Однако он тотчас одернул себя. Вероятно, те, чей слух потревожили эти вопли, предположили, будто женщина кричит от удовольствия. К тому же она почти сразу замолчала.

Ночь миновала незаметно. Рассвет не принес с собой никаких новостей. Вскоре проснулись стряпуха и хозяин таверны, оба начали ходить взад-вперед. Стряпуха сразу скрылась в кухне, а хозяин бросился к молодым людям:

– Почему вы оставили комнату? Вас не устроила постель? Может быть, вас тревожили насекомые? Клянусь, я слежу за тем, чтобы тюфяки проветривали и окуривали дымом…

Дуглас молча смотрел на свои руки, явно не желая поднимать глаз или вступать в разговоры, а Конан сказал:

– Сядь, почтенный. Ты не слышал ночью никаких воплей?

Хозяин уселся, озадаченный.

– Иногда случается, люди кричат, но если они не зовут на помощь, я предпочитаю не обращать на это внимания. Иные очень сердятся, если им помешать. Вы понимаете, что я имею в виду…

Да, все обстояло именно так, как предполагал Конан. Крик несчастной женщины никого здесь не смутил.

– У тебя в конюшне убитая женщина, а на сеновале – вторая, – объявил он хозяину без обиняков. – И тот, кто это сделал, убил их очень странным способом. А главное – непонятно зачем. Разве что он получает таким образом удовольствие…

Затем киммериец выложил на стол кошелек с дюжиной серебряных монет.

– Мы уезжаем немедленно. Не говори, что мы скрылись и ничего тебе не рассказали. Вот плата за постой и за вчерашний ужин. Мы направляемся дальше на север, к горам. Если я тебе понадоблюсь, ты сумеешь меня найти.

Хозяин взял деньги и с подавленным видом убавился на киммерийца.

– Что же мне делать? – проговорил он растерянно. – Если то, что ты рассказал мне сейчас, – правда, то Бааван вновь выползла из своей берлоги и начала охоту на живую кровь!

Дуглас встал и направился к выходу. Конан мельком проводил его глазами, а затем повернулся к хозяину.

– Расскажи об этой Бааван, велел он. – Вероятно, нам еще предстоит встретить эту тварь.

– Она – самая жуткая и кровожадная гадина, какую только

исторгала из себя преисподняя, – понизив голос, ответил хозяин. – Предания о ней ходили в здешних краях много веков, но их считали обычными сказками. Россказнями, которыми пугают детей и забавляют девиц долгими зимними вечерами. Никто не верил всерьез в то, что Бааван может рано или поздно объявиться во плоти.

И вдруг это произошло. Не так далеко отсюда, в соседней деревне, жили двое крестьян, муж и жена, оба немолодые. Они были не из местных. Говорят, прибыли сюда из долины той же дорогой, которой пришли и вы с тем молодым господином, – хозяин махнул рукой в сторону лестницы, по которой поднялся Дуглас. – Никто толком ничего о них не знал. Просто муж и жена, без детей. У них было много денег. Они купили себе дом и землю и начали хозяйничать. Соседи их недолюбливали, но этому не следует придавать слишком много значения. Как ты знаешь, люди вообще недолюбливают чужаков, даже если эти чужаки и прибыли всего-навсего из соседней долины. Завистники у них тоже водились, этого не отнимешь, но, опять-таки, завидовать чужому благосостоянию – одно, а убивать того, кому позавидовал, – совершенно другое…

– Так тех двоих убили? – спросил Конан. Хозяин кивнул.

– Это случилось года через два после того, как они приехали. Никто ничего не видел. Просто в один прекрасный день обоих обнаружили мертвыми.

– Глубокая рана на затылке, нанесенная длинной иглой? – быстро спросил Конан.

Хозяин с печальным видом кивнул.

– Именно так. И тогда возобновились разговоры о Бааван. Это ее излюбленный способ убивать. Так повествовалось во всех легендах о ней.

Люди боялись выходить из домов с наступлением темноты. Запирали на засовы ворота, закладывали ставни. Сидели, спрятавшись за стенами своих домов, и дрожали. Но время шло и, как ты понимаешь, людям надоело бояться. Тем более что убийства больше не повторялись. Бааван не возвращалась.

Постепенно мы поверили в то, что она ушла – или впала в спячку, как считали некоторые. Конечно, мы понимали, что она может опять пробудиться и вновь напасть на кого-то из нас, но так уж устроен человек: в одних случаях трусливый, в других он безрассуден и предпочитает не обращать внимания на возможную опасность.

– Ты прав, – кивнул Конан. – Полагаю, мне следует быть более осмотрительным.

– Берегись, – предупредил хозяин, – ты направляешься как

раз в сторону той деревни, где Бааван объявилась впервые.

– Поверь мне, я буду очень внимателен ко всему, что встречу на пути подозрительного, – заверил его Конан. – Если мне удастся напасть на след Бааван, я уничтожу чудовище и привезу сюда его голову, чтобы избавить здешних жителей от страха. К тому же у меня имеются собственные причины отомстить этой гадине, ведь она зарезала ту славную девчонку, с которой я хотел провести ночь!

* * *

Молодой Дуглас заставил Конана несколько раз повторить рассказ о Бааван.

И с каждым разом юный граф делался все более мрачным.

– У меня складывается такое ощущение, будто кое-что из рассказанного тобой я нынче ночью видел во сне, – признался он. – А некоторые вещи я и вовсе знал заранее – прежде, чем ты о них заговорил. Я не могу вспомнить, кто и когда рассказывал мне о них. Просто я знал их всегда – и никому этого не открывал.

Конан кивнул.

– Такое случается.

– Помнишь, я говорил тебе о том, что не могу больше сидеть взаперти в отцовском замке? – продолжал Дуглас. – Какая-то сила звала меня выйти наружу и увидеть великий мир. Но чем дальше я путешествую, тем более тесным кажется мне мир, который нас окружает. Как будто все предопределено здесь заранее. Как будто кем-то уже решено, что я не увижу ничего, кроме этих равнин и долин, кроме тех гор, что начинают подниматься на горизонте… А те волшебные страны, где живут черные люди, а сочная зелень растений сплетается в воздухе и цветы вырастают размером с большие блюда, – тех стран не существует вовсе…

– Они существуют и, если ты не будешь малодушничать, Дуглас, ты увидишь и их, – заверил своего спутника Конан.

Однако Дуглас лишь безнадежно качал головой.

– Для меня нет никакой надежды. Я обречен холить по короткой дороге, которую протоптали для меня другие…

– Вероятно, поэтому тебя и не любят женщины, – заявил Конан. – Какой охота проводить время с мужчиной, который только и делает, что жалуется на судьбу! Будь ты хромым и горбатым, больным или бедным, тебя еще можно было бы понять. Но ты – молодой красавец, ты знатен, у тебя богатый отец, рано

или поздно ты сам сделаешься хозяином великолепного замка. Твое настроение попросту оскорбительно для тех, у кого нет и малой толики твоей удачи!

– В том-то и дело, что нет у меня никакой удачи! – воскликнул Дуглас и с отчаянием ударил себя кулаком по бедру. – Я не в силах объяснить этого даже тебе. Какое-то темное несчастье окутывает мою судьбу. Если бы я мог разрушить чары…

– Только не говори мне, что ты заколдован, – сказал Конан, которого неожиданно стали нервировать эти мутные намеки.

– Нет, это не колдовство… Я унаследовал мою судьбу вместе с кровью. Я ведь так и не узнал от отца, кем была моя мать!

– Неужели? Но как такое возможно? – Конан удивленно уставился на своего спутника.

Дуглас пожал плечами.

– В детстве многие вещи воспринимаются как должное. Если отец ничего не рассказывает о матери, стало быть, это правильно. Если тебя с самых ранних лет мучают кошмары – стало быть, такое бывает со всеми и нужно просто потерпеть, подождать, пока сои станет более спокойным… Я ведь только недавно вышел из возраста, когда не задают вопросов. И так и не успел добиться, чтобы мне ответили на все, что меня интересует. Отчасти поэтому я и уехал.

Конан отметил про себя любопытную деталь. Юноша постоянно пытался найти объяснение своему стремлению покинуть отцовский замок. Как будто одного только желания повидать мир и поучаствовать в каком-нибудь приключении было недостаточно.

* * *

День за днем путники продвигались все ближе к горам. Торопиться им было некуда, считал Конан. Имело смысл внимательно осматриваться по сторонам и прислушиваться к разговорам местных крестьян и пастухов.

Признаков близости Бааван больше они не встречали. Кем бы ни было это чудовище, оно вновь затаилось. Конан начал уже не без разочарования думать о том, что оно может и вовсе не высунуться больше из норы, а это уничтожало всякую надежду обнаружить монстра и убить его.

Однако память о злодеяниях чудовища жила среди местного люда. И чем дальше на север продвигались двое путников, тем

чаще слышали они о всяких чудесных и жутких тварях, обитающих по соседству с людьми. По мнению некоторых добросердечных и словоохотливых хозяек, все холмы и озера были здесь густо заселены волшебным народцем. Конан с молодым Дугласом узнали множество историй о русалках и ведьмах, о лесной деве и карликах, что прячутся под опавшей листвой.

Ни Дуглас, ни Конан не задавали вопросов. Об этом они условились вскоре после того, как побывали в деревне, где почти двадцать лет назад погибли первые жертвы Бааван, пожилые супруги-крестьяне. Путешественники увидели пустырь, густо заросший сорной травой и колючим кустарником: дом погибших никто не решился ни купить, ни занять; оттуда даже не взяли вещей или строительного материала, и постепенно, с годами, все разрушилось и ушло под землю.

Вид этой бесплодной, угрюмой пустоши произвел на Дугласа поразительное впечатление. юноша замкнулся в себе и молчал несколько дней. Казалось, он не в силах проронить ни слова. Конан не тормошил его, не заставлял высказываться. Такие вещи, как по собственному опыту знал киммериец, должны пройти у человека сами собой. И как правило так оно и происходит.

– Мы не будем наталкивать окружающих на мысль о Бааван, – предложил Конан, когда Дуглас наконец пришел в себя после увиденного на постоялом дворе, где погибли женщины, и в деревне. – Насколько я знаю простолюдинов, при виде господ, у которых в кошельке позвякивают монеты, эти милые поселяне готовы сообщить им что угодно, лишь бы разжиться денежкой. Спросишь их про Бааван – они, даже если в жизни своей о таком чудище не слышали; – тотчас начнут рассказывать о Бааван, да еще со всякими подробностями! В изобретательности деревенским краснобаям не откажешь.

– А ты дурного мнения о крестьянах, – заметил Дуглас.

Конан поморщился.

– Конечно, я не так их презираю, как это делают кочевники, – сообщил киммериец. – А мне доводилось жить и среди кочевников, так что я знаю, о чем говорю. Для кочевых1 воинов оседлые крестьяне – это просто мясо, нечто вроде скота, который можно безнаказанно резать, если в том возникает надобность. Я – бродяга. Я для них иной раз – дикий зверь, на которого они устраивают охоту, а иной раз – напротив, легкая пожива, глупый господин с деньгами в поясе. Забавно смотреть, как они пытаются надуть меня и выманить у меня деньги!

– Но почему ты их презираешь? – настойчиво повторил Дуглас.

Конан задумался, а потом беспечно махнул рукой.

– Полагаю, из тебя со временем получится отличный господин для этих людей, – сказал киммериец. – Ни один землевладелец не презирает своих крестьян, потому что сделан из сходного теста. Я – другое дело, я никогда не буду так трястись за свою собственность, как это делают они. Для крестьянина наивысшей ценностью является его родимая корова, а для меня – моя свобода.

Дуглас медленно, задумчиво кивнул. Казалось, он еще не до конца решил, к какому из двух типов людей ему принадлежать.

Настроение молодого графа с каждым днем делалось все печальнее. Горы показались уже впереди, лиловая дымка застилала их, суровые их очертания постепенно заслоняли горизонт. Настал наконец день, когда Конан и его юный спутник очутился у самого их подножия. Со стесненным сердцем глядел Дуглас на каменные твердыни. Какое-то жуткое предчувствие зародилось и росло в его сердце, и юному графу стоило немало усилий отгонять скверные мысли и не показывать их Конану.

Конан же от души радовался. Он вырос в горах и разреженный воздух, которым наполнялась его легкие, был для него родным.

Люди, которых встречали теперь путешественники, выглядели иначе, нежели те, что обитали на равнине. Местные жители могли показаться совершенно нищими. Их крошечные хижины, сложенные из естественного булыжника и крытые хворостом и соломой, топились по-черному. Скот – черноногие козы с тощим выменем и лохматые коренастые лошадки – пасся на склонах гор под вечной угрозой нападения голодных волков, и пастухи были людьми угрюмыми, сильными и всегда держались начеку.

Тем не менее ни одной жалобы на судьбу путешественники здесь не услышали. Для Конана в этом не было ничего удивительного. Горцы чрезвычайно ценили свободу, а то обстоятельство, что они были очень бедны, делало их нежелательным объектом для возможного захватчика. Кроме того, все носили здесь оружие: и мужчины, и женщины, и даже дети. А вооруженный человек, как знал по себе Конан, всегда чувствует себя гораздо лучше, нежели безоружный.

Скоро закончились поселения, и перед путешественниками раскрылись безлюдные горные склоны.

– Может быть, остановимся? – предложил Конан.

Дуглас покачал головой.

– Нет, я не увидел еще всего, ради чего пустился в этот путь…

– Ты имеешь в виду Бааван? – спросил Конан. Юноша кивнул.

– Если я стану господином этих людей, мне лучше прикончить чудовище, которое их убивает. Это свяжет нас – они будут повиноваться мне с радостью, как повинуются сейчас моему отцу.

– Не смею возражать тебе, – сказал Конан. – Ты совершенно прав. Позволь мне немного помочь тебе!

– Я должен сделать это один, – возразил юноша.

– Если ты погибнешь, от тебя немного будет толку для твоих будущих подданных, – указал ему Конан.

– Но если я не сумею одолеть монстра в одиночку, то я не буду им нужен, ни живой, ни мертвый, – твердо проговорил юноша,

Они проехали еще некоторое время в молчании, а затем Конан указал рукой на темное пятно, появившееся на склоне, среди редколесья:

– Мне кажется, я вижу там хижину. Заночуем в ней. Негоже оставаться под открытым небом – ночью может пойти дождь.

Дуглас передернул плечом, как бы желая сказать, что находит постыдным опасаться какого-то там дождя, однако возражать Конану не стал, и вскоре они действительно приблизились к бедной хижине. Хозяин ее был дома – им оказался пастух такой жалкой наружности, что впору заплакать: он был низкорослым, с нависшими над глазами густыми бровями, со спутанными жесткими, как конская грива, черными волосами. Ноги его были чрезмерно коротки и кривы, руки – напротив, длинны и мускулисты. Дуглас никогда не видел людей столь отталкивающих.

Тем не менее пастух проявил гостеприимство и после нескольких минут разговора стало очевидно, что нрав его совершенно не соответствует внешности. Это был добрый и умный человек. Он предложил молодым путешественникам разделить с ним трапезу, состоявшую из кислого молока и жесткого хлеба прошлогодней выпечки (в здешних краях умели хранить хлеб по полгода: он становился твердым, как камень, и перед едой его размачивали в молоке или в воде).

Отдавая должное этой скудной трапезе, Конан заговорил с пастухом о его житье.

– Отчего ты устроился здесь один?

– Моя работа – пасти стадо, – отвечал пастух. – Но не круглый год, а только летом. Зимой наш хозяин предпочитает отгонять своих овец на другие пастбища, по ту сторону гор, где нет снега.

– Как же ты живешь здесь без людей? – удивился Дуглас.

Пастух прищурился.

– Мне не слишком-то весело бывает с людьми. Сами видите,

молодые господа, до чего я уродлив. Мальчишки бросаются в меня камнями, женщины отворачиваются или закрывают лица фартуками, а молодые ребята, вроде вас, свистят мне вслед. Нет уж, наедине с ветром да этими камнями мне веселее. Кроме того, я занимаюсь одним интересным и опасным делом…

Он понизил голос и проговорил так, словно намеревался напугать малых детей, что пришли послушать страшную сказку в темном сарае:

– Я выслеживаю Бааван!

– Ты уверен в том, что она существует?

– Нет никаких сомнений! – твердо ответил пастух. – Мне даже доводилось несколько раз видеть ее, правда, издалека.

– Как она выглядит? – взволнованно спросил Дуглас.

– Похожа на старуху с растрепанными волосами, но… что-то в ней есть нечеловеческое, жуткое. Силуэт вроде бы как у старой женщины с жилистыми руками и квадратными плечами, а вот двигается она совершенно по-кошачьи. Вблизи-то я ее не видел, благодарю покорно.

– Ты догадался, как она убивает свои жертвы? – этот вопрос задал Конан.

Пастух, сильно двигая челюстями, прожевал свой кусок черствого хлеба, а после медленно покачал головой.

– Говорю же, видел ее пару раз издали… Да и убивала она, по слухам, очень давно.

– Нет, злодеяние повторилось…

И Конан рассказал пастуху о том, что случилось на постоялом дворе. Тот слушал с возрастающим удивлением.

– Неужели она забирается так далеко? Не могу поверить! Все, что я успел о ней узнать, говорит о том, что она избегает появляться там, где много народу. Она предпочитает нападать на одиночек. Завлекает путников или подбирается к тем, кто живет на отшибе…

– И все-таки это произошло, – настаивал Конан.

– Возможно, существует несколько Бааван, – сказал пастух и тяжко задумался.

Наутро путники вновь отправились в дорогу. Пастух проводил их до еле различимой козьей тропы и еще раз повторил свое предупреждение:

– Будьте очень внимательны: если Бааван напала на людей на постоялом дворе, то тем более она не остановится, завидев путешественников поблизости от своего логова.

– Благодарю тебя, – от души произнес Конан. Дуглас кивнул с немного рассеянным видом. Огромный черный ворон, невесть откуда взявшийся, опустился на можжевеловый куст и громко

закаркал, как будто насмехаясь над молодыми людьми. Тень недоброго предчувствия вновь, уже в который раз, омрачила сердце Дугласа, а Конан рявкнул: «Кром!» и метнул в ворона камушек, подобранный на тропе. Птица тяжело поднялась и отлетела на несколько шагов, однако ее хриплый голос преследовал их еще долгое время.

* * *

От хижины пастуха тропа некоторое время вела вверх, а затем начала опускаться и вывела путников в узкую долину, зажатую между двух изъеденных ветрами и непогодой скал. Солнечные лучи почти не достигали ее дна, она была сумрачной и прохладной, точно погреб. По самому дну долины бежал быстрый горный ручей. Вода бурлила на перекатах и громко пела. Вдоль потока вилась тропинка, каменистая, но довольно ровная.

Дуглас ехал, опустив голову и внимательно прислушиваясь к цоканью копыт своего коня по камням – он точно хотел услышать некое пророчество в этом звуке.

Расставшись с пастухом, юноша все время думал о Бааван. Впервые жуткое чудище обрело в его мыслях какой-то более-менее определенный образ. Растрепанная старуха, угловатая, но передвигающаяся по земле с кошачьей грацией… И где-то здесь поблизости – ее логово, место, где она отдыхает прежде чем выйти на свою жуткую охоту.

Конан тоже прислушивался, но по другой причине. Он не был так уж впечатлен рассказом доброго пастуха. Каким бы жутким ни был монстр, на всякого найдется управа. Добрый меч никогда не подводил киммерийца, и Конан не видел повода сомневаться в этом и теперь.

Нет, если что и тревожило Конана, так это тишина. Ничего, кроме шума бурлящей воды, не нарушало безмолвия долины. Ни птицы, ни другой живой твари здесь не водилось, и даже ветер смолкал, когда по ошибке залетал сюда. Нехорошее место. Следует больше доверять инстинктам, а сейчас варварские инстинкты Конана просто вопияли о приближающейся опасности. Бааван могла выскочить перед ними в любой момент.

Неожиданно он услышал, как хлопают крылья большой птицы, и увидел над головой ворона. Безмолвно ворон пролетел над путниками, заложил круг и исчез за горами. Конан невольно улыбнулся. Пожалуй, он слишком поддался первому

впечатлению! Одна-единственная птица сумела разрушить наваждение, которое охватило киммерийца в «мертвой» долине, как он назвал про себя безмолвное место, где оказались они с Дугласом.

Дорога вилась и вилась, повторяя все капризные изгибы ручейка, а затем вдруг сделала крутой поворот – и за поворотом путники увидели девушку в ярко-зеленом платье.

Она была очень молода и исключительно хороша собой. Пышные волосы падали на ее плечи, широко расставленные глаза смотрели ясно и весело. Но самым удивительным в ее облике показалась Конану одежда незнакомки. Немыслимым выглядело здесь это платье, пышное, из дорогой зеленой ткани, расшитое богатыми золотыми цветами и алыми побегами. Ни единого пятнышка грязи не было на нем. Создавалось впечатление, будто девушка находилась не в горах, далеко от человеческого жилья, а где-нибудь в графском замке, где за ее туалетом следит целая армия служанок.

Дуглас застыл перед нею, очарованный. Он не сводил с незнакомки глаз, румянец то выступал на бледных щеках юноши, то пропадал бесследно. Глаза его горели – он буквально пожирал красавицу взглядом.

Она чуть улыбнулась ему, лукаво и ласково. Ни одна женщина никогда не смотрела так на Дугласа – все они сторонились его, как будто видели в нем некий тайный изъян, непостижимый для самого молодого графа. А эта незнакомка сразу же приняла его – и сразу дала ему понять, что он для нее желанен.

Конан внимательно наблюдал за обоими. Несколько раз ему удавалось перехватить взгляд девушки в зеленом, и с каждым разом эта таинственная красавица нравилась ему все меньше. Глаза ее были холодны, а в глубине зрачков Конан явственно различал угрозу. Она не хотела, чтобы при ее свидании с Дугласом присутствовал посторонний. Она явилась сюда именно за молодым графом.

Но Конан уперся и дал себе слово никуда не уходить, покуда он не выяснит, кто эта незнакомка и каковы ее цели.

– Здравствуй, доблестный воин! – проговорила красавица, обращаясь к Дугласу.

Молодой человек немедленно залился краской.

– Я не могу еще назвать себя воином, тем более – доблестным, – пробормотал он. – Мое имя Дуглас, я графский сын и путешествую по здешним горам, чтобы повидать мир, которым мне когда-нибудь предстоит править…

– Рада это слышать, потому что когда-нибудь я сделаюсь

твоей подданной, – сказала девушка. – Меня зовут Мерлина – мой дом находится здесь неподалеку…

Она снова метнула взгляд в сторону Конана и чуть изогнула брови, как бы желая сказать ему: «Ты хотел знать, почему моя одежда выглядит столь безупречно? Ну так знай: я живу поблизости отсюда – вот тебе достойное объяснение…» И этот взгляд как ничто другое дал Конану понять, что девушка лжет.

– Мои предки – из древнего рода пиктов, которые некогда перебрались сюда и обосновались на склонах здешних гор, – продолжала девушка. – Впрочем, я унаследовала от них только клочок земли, на котором стоит наш дом. Это очень старый дом, огромный, точно дворец, и выстроен он из бревен, насквозь пропитанных смолой. Такие бревна не разрушаются ни за сто, ни за триста, ни за пятьсот лет, – а согласно семейному преданию, наш дом был возведен на этой земле семьсот лет назад. За столетия в нем накопилось немало богатств.

– Чем же ты занимаешься в этой глуши, Мерлина? – спросил Дуглас.

– В моем доме всего довольно – я по целым дням брожу из комнаты в комнату и рассматриваю мои драгоценности, – ответила Мерлина.

«Странный способ проводить время, – подумал Конан. – Бродить из комнаты в комнату и рассматривать всякие блестящие безделушки! Интересно однако бы узнать, что она кушает, эта изысканная дама? Вряд ли она питается одними только впечатлениями от собственного барахла, которое досталось ей от предков-пиктов!»

Если образ жизни Мерлины и показался Конану странным, то еще более удивительным стала реакция на услышанное Дугласа. Юный граф ничуть не удивился, когда Мерлина объявила о любимом своем времяпрепровождении.

– Я тоже предпочитаю безмолвие и созерцание, – подхватил он с каким-то лихорадочным восторгом. – Мне кажется, я ощущаю родство наших душ, Мерлина! Как бы я хотел увидеть твой дом и прикоснуться к вещам, которые тебе дороги!

– Это наилучший способ познакомиться ближе, не так ли? – улыбнулась ему Мерлина.

А Конан спросил напрямую:

– У тебя есть родня, красавица?

– Хочешь знать, есть ли у меня братья, которые снимут с тебя шкуру, если ты решишь меня обидеть? – Мерлина метнула в него очередной злой взгляд. – Нет, таких братьев у меня нет. Но я рассчитываю на благородство мужчин, с которыми свела меня судьба сегодня…

– Ты права! – пылко объявил Дуглас. – Ни один волос не упадет с твоей головы, Мерлина, так что можешь не опасаться…

– О, я ничего не опасаюсь! – сказала девушка с очаровательной улыбкой. – Напротив, пусть мои враги опасаются меня.

– У тебя есть враги? – Дуглас насторожился.

– Как и у всех.

– Назови их имена, – попросил юный граф.

Она замялась. Пока она молчала, Конан вмешался в разговор:

– Кто тебя кормит, прекрасная Мерлина?

Вопрос прозвучал неожиданно – и совершенно неуместно: он как будто нарочно разрушал атмосферу рыцарского романа, в которую Мерлина погрузила Дугласа.

– Я достаточно самостоятельна для того, чтобы есть без посторонней помощи, – сказала наконец Мерлина.

Конан наморщил нос.

– Не притворяйся дурочкой, милая. Я хочу знать, есть ли у тебя крестьяне, которые на тебя работают.

– Вообще-то… Я не хотела говорить об этом, но раз уж ты настаиваешь… – Мерлина вздохнула. – Есть две семьи карликов, из тех, что обитают под опавшими листьями. Они исстари доставляли провизию нашей семье.

– Чем же они тебя радуют – плесенью? – продолжал расспросы Конан.

Дуглас вдруг понял, что ненавидит киммерийца с его назойливостью, ехидством и полным пренебрежением к хорошим манерам. Молодой граф хотел было наброситься на своего спутника, однако Мерлина остановила его легким движением руки.

– Я дам ответ тебе, недоверчивый воин, потому что понимаю, отчего ты беспокоишься. Должно быть, Дуглас – твой господин, и ты поручился головой за его безопасность?

– Дуглас мне не господин, хотя я действительно предпочел бы видеть его живым и невредимым, – проворчал Конан. Попытка Мерлины вывести киммерийца из себя провалилась.

Девушка сказала:

– Я предпочитаю лакомиться тем, что порождают грибницы, а кроме того мне приносят мелкую дичь и ягоды… Ты доволен ответом?

Конан пожал плечами неопределенно.

Дуглас сказал:

– Садись ко мне в седло, Мерлина. Я хочу поехать вместе с тобой в твой дом.

Конан тронул коня, но Дуглас повернулся в седле и сказал

своему спутнику:

– Я не хочу, чтобы ты следовал за мной. Твоя служба у меня окончена, Конан. Ты больше мне не нужен. Я нашел то, что искал. Наконец-то я обрел то, ради чего покинул отцовский замок!

– Надеюсь, Дуглас, что когда-нибудь ты вернешься к отцу, – сказал Конан, не делая ни малейшей попытки возражать или преследовать Дугласа и его новую подругу.

* * *

Теперь Дуглас остался наедине с юной девушкой. Она странно волновала его – не так, как, случалось, будоражили молодую кровь хорошенькие пылкие служанки. Нет, то было глубинное волнение, какое возникает только в тех случаях, если человек встречает свою истинную возлюбленную.

Дуглас понимал это. Он молчал, боясь малейшим неосторожным словом расплескать то огромное чувство, что переполняло его душу до краев.

Дорога все вилась и вилась по дну ущелья, и конца ей не было видно. Но Дугласа это не смущало. Он и не хотел, чтобы их путь заканчивался.

Мерлина вдруг сказала:

– Ты боишься Бааван?

– Наверное, – отозвался Дуглас, явно не думая о том, что говорит. – Меня она больше не занимает.

– Но ведь ты собирался убить ее! – настаивала девушка.

Дуглас не спросил, откуда она это знает. Вероятно, все молодые воины, появляющиеся в здешних краях, рано или поздно приходят к идее о необходимости убить Бааван. Так что же удивительного в том, что подобное желание выказывает Дуглас?

– Я не знаю, хочу ли я ее убивать, – рассеянно ответил Дуглас. – Мне это сейчас стало безразлично. Если мне встретится чудовище, я, вероятно, вступлю в сражение с ним. Но рыскать по безлюдным горам и редким лесам в поисках приключений мне больше не хочется. Я предпочел бы заснуть в твоих объятиях, Мерлина, и никогда не просыпаться…

– Остановимся, – предложила она.

Они спешились и легли, обнявшись, на камни. Ручей пел оглушительно, в вышине пролетали далекие птицы и еле заметные облачка то и дело прикрывали солнце. Мерлина гладила Дугласа по лицу, что-то напевая. Затем она вдруг

спросила:

– Ты любишь меня?

– Всем сердцем, – ответил он не задумываясь.

– Я могу взять тебя туда, где живут мои грибницы, – проговорила она. – Я кормлю их живыми людьми. Ты не должен бояться, потому что прежде чем ты умрешь, ты испытаешь величайшее наслаждение в своей жизни. Я буду ласкать тебя, и последние минуты покажутся тебе вечностью. Они и будут вечностью, а потом-Потом я буду питаться тобой, и ты станешь мною – ты войдешь в мою плоть, мы будем нераздельны…

Она говорила и говорила, а Дуглас засыпал, убаюканный ее ласками и тихим голосом. Очень медленно они проваливались под землю, и каменистая почва готова была сомкнуться над их головами.

Дуглас засмеялся и провел кончиками пальцев по щеке Мерлины. Сквозь полудрему он пробормотал одно женское имя – единственное женское имя, которое произносил с любовью:

– Азалия…

Внезапно что-то изменилось. Стало холодно, исчезли тепло и блаженная сонливость. Дуглас почувствовал, что лежит на сырых камнях, а по ущелью гуляет ветер.

Он подскочил. Мерлины рядом не было. Напротив него, на другом берегу мелкого ручья, сидела отвратительного вида старуха со свисающими космами спутанных волос. А издалека слышался стук копыт, который приближался с каждым мгновением.

Дуглас выпрямился и закричал:

– Конан! Сюда!

Киммериец показался из-за поворота. Солнечный луч сверкнул на его обнаженном мече. Старуха вскочила на ноги и зашипела.

– Остановись! – хриплым вороньим голосом прокричала она. – Остановись, киммериец, и выслушай меня, иначе ты никогда не узнаешь правды!

Конан замедлил бег своего коня, а затем и вовсе остановился, однако меча не опустил. Дуглас тяжело дыша поднялся на ноги.

– Она околдовала меня, – проговорил он чуть виновато.

– Не время разбираться, кто прав, а кто ошибся! – оборвал его Конан и вновь обратил суровый взор синих глаз к старухе. – Кто ты такая?

– Твой спутник назвал меня по имени – Азалия. Теперь я поняла, почему меня так влекло к нему: ведь он мой сын, – сказала женщина.

Дугласа охватила дрожь отвращения. Он отказывался верить

в то, что ужасная ведьма – его родная мать. Та, по которой всю жизнь так горько убивался его отец. Та, чей портрет висит в замке, – та, из-за кого у Дугласа не было ни красивой веселой мачехи, ни кучи братьев и сестер…

– Этого не может быть! – вскрикнул молодой человек.

Старуха захохотала.

– Тем не менее, Дуглас Мак-Гроган, это именно так! Твой отец взял меня от моих приемных родителей. Никто не знал, кто произвел меня на свет. Мне пришлось уйти в эти горы, чтобы выяснить обстоятельства моего рождения. Ты хочешь услышать мою историю, сын?

Дуглас молчал. Крупные слезы катились по его лицу.

Старуха безжалостно продолжала:

– Бааван. Так называется наше племя. Мы зарождаемся под землей, в грибницах, и народы карликов служат нам рабски. Наши дети формируются почвой, плесенью и таинственными силами почвы. Когда настает срок явиться на свет новому отпрыску Бааван, карлики извлекают из грибницы младенца, очень похожего на обычного человеческого ребеночка, и подбрасывают его каким-нибудь бездетным супругам. До поры мы очень красивы и мало отличаемся от людей, разве что особенной статью и благородством. Но с наступлением зрелости мы начинаем приобретать новые черты. Люди считают нас уродливыми.

Я не сразу поняла, кто я такая. Многие годы я жила, думая, что я – человек. Большинство Бааван уже в раннем детстве становятся злыми и жестокими – с точки зрения людей, разумеется. Меня же испортило доброе отношение моих приемных родителей – и, главное, страстная любовь моего мужа. И все-таки я начала превращаться в одну из нашего племени.

Я стала дурнеть – так это выглядело в глазах графа Мак-Грогана. Однажды во сне ко мне приняла истина. Я увидела в видении все: и грибницу, которая меня породила, и карликов, которые мне служили… Я поняла мое предназначение.

И сделала то, что должна сделать любая Бааван, когда она вырастает и решает уйти от людей. Я должна была найти и убить моих приемных родителей. Выпить их кровь. Это давало мне силы.

Но те, кто вырастил меня, ушли из старой деревни. Пришлось потратить немало времени на то, чтобы их отыскать. У меня была длинная игла, которую я вонзила им в затылок. Они умерли легко, во сне. Таково было единственное милосердие, которым я отплатила им за всю ту любовь и заботу, что они дарили мне на протяжении многих лет.

Десять лет после убийства моих приемных родителей я проспала в грибнице. Это были блаженные годы! Я грезила и видела чудесные сны, и те, кто забредал в мои горы и срывал грибы, выросшие здесь, погружался в мир моих волшебных сновидений. Я побывала в таинственных и прекрасных местах, мне подчинялись духи и колдуны, я повелевала стихиями…

Не нашлось бы на земле такого чуда, которое не было бы в моей власти! Упоительные сны, чарующие сны…

А затем я пробудилась и увидела, что вокруг меня – тьма, и грибница моя голодала. Я вышла наружу и отправилась на поиски пищи, Я убила несколько путников на дороге, это позволило мне провести еще несколько времени в покое и блаженном ничегонеделании.

Именно тогда, кажется, я начала думать о своем сыне. Довольно странно, что у меня родился сын – как будто я была самой обыкновенной женщиной, из тех, что рожают столь неприятным и болезненным способом. Мы, Бааван, размножаемся иначе: мы зарождаемся сами внутри нашей грибницы. А умираем мы тоже по-другому, не так, как люди: мы растворяемся в почве. Просто в один прекрасный момент старая Бааван не очнется от волшебной спячки и навсегда уйдет в свои сны, которое будут становиться все бледнее и бледнее, пока не исчезнут вовсе.

Но я родила сына так, как это делают люди. Вот что не давало мне покоя. Означает ли это, что я – не вполне Бааван? И каков мой сын? Что из моего наследия перешло к нему? Я думала о нем днем и ночью, я посылала ему сновидения и мысли, и в конце концов мне удалось позвать его в дорогу.

Я готовилась встретить его. Я должна была быть сильной и потому я пробралась на тот постоялый двор. Я заглянула в комнату Дугласа и прикоснулась к нему, к его волосам. Должно быть, я пропиталась его запахами…

Здесь Бааван остановилась и посмотрела прямо в глаза Конана.

– Я недооценила тебя, варвар. Ты учуял этот запах. Ведь я была там, в общей комнате таверны, когда ты велел Дугласу подняться с постели и сидеть в ожидании рассвета с оружием в руках… Я видела, как раздуваются твои ноздри. Ты знал, что с Мак-Гроганом происходит что-то неладное!

– Да – не стал отпираться Конан. – Но я не говорил ему ничего, потому что не был уверен. Точнее, я готов был поклясться в том, что Дуглас не убивал тех женщин!

– Запах тебя смущал, – с удовольствием повторила Бааван.

– Ты знала, что я твой сын, и все же попыталась соблазнить меня? – удивленно произнес Дуглас. Его мало беспокоило

возможное обвинение в убийстве. Все его помыслы были заняты матерью.

– Я хотела, чтобы ты вместе со мной ушел в грибницу, – объяснила Бааван. – Способ, которым я намеревалась добиться желаемого, безразличен. Главное – чтобы мы были вместе. У нас, у Бааван, нет пола. Мы едины, как едины все грибы, все листья на дереве. Твоей матерью мог стать любой корень из тех, что медленно шевеляться под толщей влажной почвы.

– Ты чудовище! – медленно выговорил Дуглас.

– Нет, я не чудовище – я лишь следую собственной природе, – сказала Бааван. – Раздели со мной мою участь, сын! Не отказывайся от меня!

– Я никогда не стану Бааван! – резко ответил Дуглас. – Уходи! Уйди под землю и больше не показывайся на поверхности, ибо клянусь – я сделаю все, чтобы уничтожить тебя.

– Ты не можешь ненавидеть собственную мать, – проговорила Бааван нерешительно.

Дуглас молча стиснул зубы. Конан поднял меч и ступил в ледяную воду потока.

Бааван закричала пронзительным, нестерпимым для человеческого слуха голосом и взвилась в воздух. Конан отразил первый удар ее длинных когтей, в которых мелькала игла, больше похожая на узкий кинжал, – орудие, которым Бааван убивала свои жертвы.

Желая поразить чудище, Конан нанес сильный рубящий удар сбоку. Бааван легко увернулась и в свою очередь задела Конана когтями по плечу. Боли он не почувствовал; такими острыми оказались эти когти, однако кровь обильно потекла из разверстой рапы. Бааван облизнулась длинным синеватым языком, и ноздри ее расширились: вид и запах теплой крови возбуждал ее.

Дуглас дрожал всем телом, наблюдая за этим жутким поединком. Он не мог не думать о том, что монстр в развевающихся серых тряпках, с мотающимися свалявшимися волосами, – чудище, кружившее в воздухе вокруг Конана, – та самая прекрасная Азалия, супруга графа Мак-Грогана, родная мать Дугласа.

Но вместе с тем юноша ощущал полную чуждость Бааван собственной природе. Дуглас понимал, что он – человек до мозга костей. Только человек. Не больше, но и не меньше.

Должно быть, любовь графа Мак-Грогана замедлила развитие Бааван. Та, которая родила своему мужу сына, была женщиной. Монстром она сделалась потом.

Конан снова нанес удар, на сей раз слева. Ему удалось зацепить бок Бааван, и она разразилась новыми воплями,

высокими и невыносимо резкими, точно ножом водили по стеклу. Кровь из ее раны лилась густая, коричневая, с отвратительным запахом – так воняет болотная жижа.

Конан упал на землю. Бааван приготовилась к последнему решающему броску. Она понимала: если ей не удастся прикончить настырного киммерийца прямо сейчас, силы ее иссякнут – и тогда он, возможно, одолеет.

Варвар, похоже, был при последнем издыхании. Что ж, тем лучше! С торжествующим криком она бросилась вниз, растопырив когти… и со всего маху налетела на выставленный вверх меч. Конан вскинул руку с мечом в самый последний момент.

Добрая холодная сталь пронзила Бааван насквозь и вышла из ее тела в области лопаток.

Поток грязной крови хлынул на Конана, обжигая его, точно кислота. Тяжелое тело Бааван рухнуло на киммерийца и прижало его к каменистой почве. Конан тщетно пытался выбраться. Умирающая Бааван содрогалась в корчах прямо на нем. Ее глаза вращались в орбитах, рот раскрывался в зевках, и Конана окатывало зловонным дыханием ее утробы. Длинные клыки, желтоватые, в комках зеленой слизи, пытались дотянуться до горла врага, но лишь слабо лязгали.

Дуглас бросился через ручей и с усилием откинул тело своей матери с поверженного киммерийца. Не произнеся ни слова, Конан перекатился по земле и упал в ручей. Ледяная вода смывала с него ядовитую кровь Бааван, студила разгоряченную кожу. Конан громко стонал и проклинал грязную ведьму, нимало не стесняясь тем, что поблизости находится ее сын.

Наконец киммериец выбрался на берег, встряхиваясь, точно крупная собака. Дуглас стоял над трупом своей матери и рассматривал ее.

– Какая она отвратительная, – прошептал он наконец. – Она похожа на старый гриб, если его раздавить.

– Весьма точное определение, – согласился Конан. – Но если ты меня послушаешься, то я дам тебе один добрый совет.

Дуглас вскинул на киммерийца взгляд.

– Как я могу не послушать твоего совета, Конан, если ты спас меня от участи, которая гораздо хуже смерти?

Конан усмехнулся.

– Многих людей доводилось мне спасать – и далеко не все из них даже снисходили до того, чтобы быть благодарными…

Дуглас изогнул брови – очень похоже на то, как делала это «девица Мерлина».

Конан сказал:

– В таком случае, запомни мои слова, молодой граф Мак-

Гроган. Никогда не думай о своей матери как об этой гадкой, похожей на раздавленный гриб старухе. Она – Азалия, красавица, беззаветно любившая твоего отца. Она любила его так, что предпочла уйти, скрыться с его глаз прежде, чем с ней произойдут необратимые перемены, в которых бедная женщина не была виновата. Помни о ней лишь это. Красота и любовь. Все прочее не имеет к тебе никакого отношения.

Дуглас крепко сжал руку киммерийца.

– Я благодарен тебе, Конан, и твой совет сберегу у самого сердца!

* * *

Они закопали тело старухи в русле ручья, надеясь на то, что бегучая вода смоет ядовитые споры и не позволит им стать основанием новой грибницы.

Но где-то под землей сохранялась та древняя грибница, которая некогда исторгла из себя младенца, похожего на ребенка людей. И Конан решил, что непременно вернется и покончит со всем вредоносным родом Бааван.

Однако сперва ему требовалось доставить домой юного графа Дугласа. И спутники пустились в обратную дорогу.

Они, как и прежде, не спешили, и все-таки путь к дому оказался гораздо короче, нежели путь из дома. Это открытие радостно удивило Дугласа. Он утратил свою всегдашнюю меланхолию, как будто все случившееся совершенно исцелило его. И встречные женщины перестали от него отворачиваться, напротив – все они бросали ему веселые взгляды и провожали улыбками.

Граф Мак-Гроган не верил собственным глазам, когда ему доложили о возвращении сына. Дуглас вернулся совершенно другим человеком. Он больше не грезил о несбыточном, но радовался жизни и всему, что могли предложить ему великолепный замок и любящие подданные его отца.

Кода встретил своего друга-«верзилу» восторгами и плаксивыми излияниями: он все время порывался рассказать о том, как скверно с ним обходились без Конана и какие ужасные испытания пришлось претерпеть несчастному пустынному гному. Конан почти не слушал его: в мыслях он снова находился в горах. Он твердо намеревался вернуться, найти доброго пастуха и с ним вместе отыскать грибницу, чтобы выжечь ее. Сейчас новая затея

занимала киммерийца куда больше, чем все остальное.

Гэлант, впрочем, проявил настойчивость в расспросах и добился своего: он вытянул из Конана множество подробностей касательно недавнего путешествия и всего, что имело отношение к природе и обычаям Бааван. Для этого ему пришлось изрядно подпоить киммерийца, да и сам он выпил тоже немало. К финалу разговора языки у обоих заплетались, хотя головы оставались ясными и детали рассказа сходились между собой: и Конан, и Гэлант в этом отношении были профессионалами.

– В конце концов, – заключил Конан, когда длинное повествование о гибели Бааван было закончено, – разве не стоило отправиться в опасное путешествие и встретиться лицом к лицу с чудовищем, чтобы понять, что ты – всего лишь человек. Не меньше, но и не больше?

И Гэлант, усмехаясь, призвал слугу, чтобы записать эти слова в свою книгу.

– Я всегда говорил, Конан, что из тебя получился бы превосходный сказитель, – объявил Странник.

Киммериец поморщился.

– Во-первых, ты никогда этого не говорил, Гэлант, – сказал он, – а во-вторых, я предпочитаю зарабатывать себе на жизнь совершенно другим способом.

OCR: де Монфор